

СВЕТЛАНА ДРОЗДОВА

ТАХА

ТАКСОПАРК.
ДЫМ

Светлана Дроздова

Таксопарк. Дым

<https://litres.ru/74532169>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марат Вергасов — бывший следователь по особо важным делам, а ныне ночной таксист на старом «Мерседесе» по Садовому кольцу. Три года он прятался от прошлого, но прошлое нашло его само: призраки погибших в пожаре гостиницы «Россия» 1977 года один за другим появляются на заднем сиденье его машины, принося запах гари, озона и осколки правды. Марат обнаруживает, что его отец — прокурор Давид Вергасов, расследовавший пожар, был вынужден КГБ сфальсифицировать выводы. Официальная версия — короткое замыкание. Реальность — спланированная кремация улик: журнала регистрации постояльцев семнадцатого этажа, где хранились списки теневых дельцов ипподрома. Отец спрятал доказательства — магнитофонные записи, фотопленки, зашифрованный список из семи фамилий — в тайниках от ванной до дачного гаража, заложив на «право выкупа» собственную совесть ради жизни сына.

Светлана Дроздова

Таксопарк. Дым

Глава 31. «Ты тоже был там»

Запах озона не уходил из квартиры на Автозаводской уже третью неделю. Марат привык засыпать под гул трамваев, но сегодня рельсы молчали — ночью меняли пути, и город погрузился в непривычную, ватную тишину. В этой тишине запах электрического разряда, оставленный призраком Хуты, казался физически тяжелым, словно невидимый свинцовый плащ давил на плечи.

Марат сидел за кухонным столом, освещенным лишь экраном старого ноутбука и круглым пятном света от дешевой настольной лампы с зеленым абажуром. Перед ним веером лежали ксерокопии документов, которые Сона выудила из недр архива Мосгорисполкома. Бумага была желтой, шрифт старой пишущей машинки «Ятрань» плыл и крошился по краям.

Он смотрел на подпись внизу протокола изъятия вещдоков. Обычная фиолетовая мастика. Обычный канцелярский росчерк. Но буквы сложились в слово, которое ударило под дых сильнее, чем рука бандита Хуты или объятие сторевшей

заживо Галины.

«Старший следователь прокуратуры Замоскворечья Вергасов Д. И.»

Давид Ильич Вергасов.
Отец.

Марат провел ладонью по лицу, стирая липкий холодный пот. Он перечитывал дату снова и снова, надеясь, что зрение подводит его, что это оптическая иллюзия, вызванная усталостью глаз.

26 февраля 1977 года.

Через день после того, как гостиница «Россия» превратилась в сорокаметровую доменную печь.

— Это невозможно, — прошептал Марат в пустоту кухни.
— Меня тогда даже в проекте не было.

Но надпись на стене архивного хранилища, которую он вспомнил только сейчас — «ТЫ ТОЖЕ БЫЛ ТАМ», — вдруг перестала быть мистической угрозой перемещения во времени. Она оказалась страшнее. Это была констатация факта крови. Гостиница сожрала не только тех, кто оказался внутри стен. Она протянула свои обугленные руки сквозь десятилетия и схватила его отца.

Руки дрожали так сильно, что он едва попал пальцем по кнопкам смартфона. Гудки шли долго, вязкие, тягучие, как смола. Марат знал, что разбудит мать — она ложилась рано, старая привычка жены военного прокурора, дожидавшейся мужа с дежурств.

— Да, слушаю? — голос матери был сонным, но мгновенно напрягся, уловив хрипотцу в голосе сына. — Марат? Что случилось? Ты болеешь?

— Мам, — горло пересохло, слова царапали гортань. — Мне нужно спросить про папу. Про семьдесят седьмой год.

Пауза на том конце провода длилась ровно три секунды. Марат умел считать время пауз — прокурорская привычка. Три секунды — это время, необходимое мозгу, чтобы выбрать между правдой, которая убьет, и ложью, которая защитит.

— Давид... он работал в прокуратуре Замоскворечья, — медленно произнесла она. — А почему ты спрашиваешь? Эти твои книжки про архитектуру...

— Не про книжки, — перебил Марат. — Пожар в «России». Февраль. Мама, я знаю, что он вел первичку. Я видел

документы.

В трубке послышался тяжелый вздох, перешедший в звук глотка воды.

— Господи, мальчик мой... Я думала, эта тень ушла вместе с ним. Он никогда не говорил о ней дома. Никогда. Только однажды... мы были на дне рождения у дяди Коли. Отец выпил лишнего. Больше обычного. Мы вышли на балкон, зима, холодно. Он стоял без шапки. Сказал: «Знаешь, Лена, самое страшное — это не когда пахнет горелым мясом. Самое страшное — когда пахнет резиной и озоном. Как после грозы. Мы заходили туда первыми. Там еще люди дышали. А потом приехал Комитет. Мужчины в одинаковых серых пальто. Они смотрели на нас, как на дворников, которые мусор метут не в ту сторону. Нам сказали положить папки на стол и выйти».

— Кто сказал? — спросил Марат, чувствуя, как леденеют пальцы.

— Смирнов. Полковник Смирнов из Комитета. Давид называл его "Старый Лис". Сказал, что если мы напишем в отчете то, что видели своими глазами — форму оплавления перекрытий, направление тяги — нас закопают в таком месте, где солнце светит два часа в году. И ради чего? Ради списков каких-то жуликов с ипподрома? Давид подписал пе-

редачу дела. Потому что у нас был ты. Маленький. Год и три месяца. Он боялся оставить тебя сиротой ради мертвых чиновников.

Марат прислонился лбом к холодному стеклу окна. За окном начинал сыпать мелкий ноябрьский дождь, превращая огни Садового кольца в размазанные акварельные пятна.

Маленький. Год и три месяца.

Именно столько было сыну официантки Зины, когда её тело нашли в коридоре двадцать второго этажа. Именно столько было Марату, когда его отец впервые вдохнул запах чужого пепла, который теперь преследовал самого Марата.

— Мам, — тихо сказал он. — Где его старый портфель? Тот, коричневый, кожаный.

— На даче. В гараже. Под верстаком, за стопкой старых журналов «Наука и жизнь». Он всегда прятал там инструменты... и бутылки. Почему ты спрашиваешь?

— Потому что он оставил мне наследство, мам. Просто забыл сказать об этом при жизни.

Дача в Малаховке встретила его запахом мокрого шифера и осенней прели. Старый гараж из силикатного кирпича покосился набок, петли ворот скрипели протестующе, словно

охраняя тайну.

Марай нашел ломик в углу сарая. Металл был холодным и влажным. Он поддел половицу возле верстака. Дерево хрустнуло, обнажив черную пустоту подполья. Пахнуло сырой землей и мышами.

Портфель лежал там. Потертая коричневая кожа впитала запах машинного масла и табака. Латунные замки щелкнули сухо, почти радостно, узнав хозяина спустя тридцать лет.

Внутри не было ни денег, ни золотых часов. Только бумага. Спрессованная временем, слежавшаяся в плотный ком бумаги.

Марат достал всё на верстак.

Первое — банка из-под индийского растворимого кофе «Pele». Внутри, плотно скрученные, лежали непроявленные фотопленки. Советская черно-белая КН-3. Срок годности истек еще в восьмидесятых.

Второе — железная коробочка монпансье. Внутри — катушка магнитофонной ленты МК-60 и самодельный переходник для проигрывания кассет на старом катушечнике.

Третье — конверт из плотной крафтовой бумаги, перетянутый резинкой, пожелтевшей до цвета сливочного масла.

У Марата перехватило дыхание. Он узнал этот почерк. Этот наклон букв влево, эту педантичную аккуратность полей. Свой собственный почерк, унаследованный через гены.

Он бросился обратно в квартиру. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Ему нужен был магнитофон. Настоящий, советский, с тяжелыми бобинами.

Старая «Яуза-Мини» стояла на антресолях, укутанная в фланелевую рубашку. Марат сдул пыль. Протер головки спиртом. Руки двигались механически, сами находя нужные рычаги. Он вставил ленту из коробки монпансье, заправил её дрожащими пальцами.

Щелчок кнопки «Воспроизведение».

Сначала — шипение. Чистое, ровное, похожее на шум прибоа. Затем — щелчок тумблера. Скрежет стула.

Голос отца ударил по ушам. Молодой, звонкий, лишенный той прокурорской медной тяжести, которую Марат помнил из детства. Голос человека, которому двадцать восемь лет и который еще верит, что закон может победить систему.

(Шум помех, далекий вой сирены)

«Двенадцатое марта. Девять вечера. Кабинет Зимина. Записываю для себя, потому что бумаге верить нельзя. Если они найдут эту кассету, я скажу, что писал сценарий детек-

тива.

Сегодня я ездил на пепелище. Формально — подписать акт передачи дел пожарной охране. Фактически... я хотел увидеть место преступления без мундиров КГБ.

Радиоузел. Все говорят про паяльник. Я взял протокол экспертизы. Температура плавления меди — тысяча тридцать градусов. Температура в шахте, согласно замерам Петренко — тысяча двести. Вопрос: откуда взялся лишний жар?

Ответ пришел сам. Когда я спустился в технический коллектор под четырнадцатым этажом... Знаешь, сын, там пахло не гарью. Там пахло операционной. Озон. Резина. Медью пахло так, что зубы ныли. Стена была прожжена насквозь. Не прогорела — прожжена. Ровное отверстие, края блестят стеклом. Так бьет высоковольтный разряд.

Я вышел во внутренний двор. Ворота были заварены изнутри. Лейтенант Сомов... Герой. Нашли его утром. Сидел, привалившись спиной к чугуну. Успел вытолкнуть двоих детей через окно вестибюля. Задохнулся. Маску сорвало взрывной волной, когда рухнул зимний сад.

Я подошел к пролому в заборе. Улица. Зарядье. Утро. Солнце красное, низкое. И стоит машина. Синяя "Волга". Двадцать четвертая модель. Номер залит пеной, но я успел достать фотоаппарат. "Зенит-Е". С пленкой для спецобъектов. Нажал спуск прямо из-за угла. Щелчок получился громким.

Из машины вышел человек. Серое пальто. Лицо незапо-

минающееся. Такое рисуют в учебниках для свидетелей — ничего не запомнишь. Он посмотрел прямо на меня. Достал удостоверение. Красная корочка. Я зажмурился. Открыл глаза — никого. Машина исчезла. Растворилась в утреннем тумане.

А вечером ко мне пришли. Смирнов привез бутылку армянского коньяка. Трехзвездочного. Разлил по стаканам. Сказал: "Давид, забудь формулу расчета температуры. Забудь про дыру в коллекторе. Дело уходит наверх. Это политика. ЦК чистит кадры перед съездом".

Он положил передо мной папку. Радисты. Сидоров. Козлов. Ознакомление — пять минут. Подпись здесь. Марат... если ты это слушаешь... прости меня. Я трус. Я подписал. Я отдал им пленку. Почти все кадры засвечены вспышкой пожара, эмульсия поплыла от жара. Но три кадра внизу... те самые. Посмотри негативы, сын. Найди их. Там вход в коллектор. Там стояла машина. Синяя "Волга". Они думают, что похоронили правду в Капотне. Но правда не горит. Правда просто ждет. Сорок лет она ждала тебя».

(Конец пленки. Сухой щелчок автостопа).

Магнитофон затих. Комната наполнилась звоном в ушах. Марат сидел неподвижно, глядя на крутящиеся пустые бобины.

Его отец знал. Всё это время. Он носил этот яд в себе, пе-

редавая сыну не фамилию, а радиоактивный груз вины. Он выбрал синицу в руках — живого ребенка — вместо журавля в небе — честного отчета, который стоил бы им обоим жизни.

Утром следующего дня Марат был в гостях у Смирнова. Старик жил в сталинской высотке на Котельнической. Лифт поднимался медленно, со скрипом, отсчитывая этажи-годы.

Аркадий Борисович открыл дверь сам. Он выглядел хуже, чем месяц назад. Кожа стала пергаментной, натянутой на кости черепа.

— Принес? — вместо приветствия спросил он, кивнув на портфель в руке Марата.

Они прошли в кабинет-библиотеку. Тот самый массивный стол, тот же дисковый телефон ядовито-красного цвета.

— Вы знали, — сказал Марат, не садясь. — Вы знали, что отец фотографировал машину.

Смирнов тяжело опустился в кресло. Достал из ящика стола фляжку, глотнул. Поморщился.

— Догадывался. Давид был слишком хорошим следователем. Такие либо спиваются в тридцать, либо стреляются.

Или становятся циниками. Он пытался усидеть на трех стульях. Оставаться честным, служить системе и растить тебя. Система таких шуток не понимает.

— Зачем вы сохранили это? — Марат бросил на стол пухлый серый конверт.

— Потому что он попросил. — Смирнов постучал узловатым пальцем по фотографии молодого Давида, стоящей на столе. — Пришел сюда через неделю после закрытия дела. Белый весь. Положил на стол вот этот конверт. Сказал: «Если мой сын когда-нибудь спросит про семнадцатый этаж — отдайте ему. Пусть знает, что его отец не продал душу. Он заложил её в ломбард. С правом выкупа».

Март развязал бечевку. Внутри лежала одна страница. Плотная бумага ведомственного блокнота. Чернила местами расплылись от влаги.

Текст гласил:

«Список лиц, покинувших зону изоляции (Гостиница "Россия") до прибытия основных сил МЧС/МВД (по данным КПП №2):

1. Лакоба А.З. (черный ход, сектор прачечной).
2. Дроздов В.А. (выезд на синей Волге гос. номер МОС [закрашен химическим карандашом]).
3. Куратор ("Серый"). Приметы: рост 175, плащ болонье-

вый, лицо плоское. Направление движения — ул. Варварка».

Внизу страницы, другим цветом чернил, тем самым детским наклоном влево:

«Сынок, оригиналы пленок в квартире. Тайник под ванной. Старый чугунный сливной бачок, откручивается снизу. Прости. Люблю. Папа».

Марат поднял глаза на Смирнова.

— Отец спрятал копии в нашем доме. На Автозаводской. Под ванной.

— Значит, игра началась всерьез, — Смирнов криво усмехнулся, обнажая металлические коронки. — Они думали, что смыли кровь в Капотне. Но канализация Москвы течет долго. Добрый совет, мальчик. Не лезь туда один. Те люди в серых пальто... они вечные. Таблички на дверях меняются, а плесень остается.

Домой Марат ехал на метро. Вагон качало, лица пассажиров плыли в темном стекле, лишённые индивидуальности. Он чувствовал себя голым. Вся броня бывшего опера, вся усталость таксиста слетела. Он был просто сыном. Сыном человека, который спас его ценой чужой правды.

Квартира встретила его темнотой и запахом озона. Марат прошёл в ванную. Старая советская сантехника. Чугунная

ванна на львиных лапах.

Он лег на живот, заглядывая под фаянсовый пьедестал. Сливной бачок. Массивный, покрытый вековым слоем пыли и конденсата.

Резьба заржавела. Марат сбрызнул её WD-шкой из баллончика, подождал. Руки снова начали трястись. Он представил, как отец делает это. Тихо, пока мать спит. Отвинчивает ржавые гайки, прячет металлический контейнер в гулкую пустоту чугуна. Прячет бомбу замедленного действия, которая должна рвануть только тогда, когда сын станет мужчиной.

Бачок поддался с глухим скрежетом. Марат просунул руку внутрь. Пальцы коснулись холодного металла.

Металлический тубус. Герметичный. Военный.

Он вынес его в комнату, поставил на стол рядом с лампой. Пальцы не слушались, когда он откручивал крышку. Внутри, переложенные ветошью, лежали кассеты. И жестяная коробка из-под чая.

Марат достал лупу. Включил яркую диодную панель.

Коробка из-под чая. Внутри — стеклянные пластинки. Негативы.

Он взял первый. Поднес к свету.

Чернота. Вспышка ослепила эмульсию. Брак.

Второй. То же самое. Белое пятно выжгло центр кадра.

Третий...

Марат задержал дыхание.

Темнота начала обретать формы. Сначала — силуэт арки. Обгоревшая лепнина. Затем — пол. Кафельная плитка, вспучившаяся от жара.

И внизу кадра. Темный провал технического люка. Решетка валяется в стороне.

А из этого провала, из тьмы коллектора, выползает нечто.

Нет. Некто.

Синяя корма автомобиля. Характерный изгиб крыла двадцать четвертой «Волги». Государственный номер читался плохо, пленка пострадала, но первая буква проступала четко.

М.

Серия МОС.

Это была та самая машина. Машина куратора. Машина смерти.

Марат отложил стекло. Пальцы были черными от типографской краски. Он чувствовал запах химикатов — фиксажа и проявителя. Запах отцовской тайны.

Телефон на столе завибрировал. Имя на экране заставило сердце пропустить удар.

Сона.

— Ты не спишь, — сказала она вместо приветствия. Голос был напряженным, металлическим. — Я проверяла базу автопарка Управления делами КГБ. По описанию твоего отца. Синяя Волга. Спецсерия.

— Нашла? — выдохнул Марат.

— Распределение техники. Февраль семьдесят седьмого. Отдел наружного наблюдения. Оперативная группа полковника Дроздова. Машины закреплены за экипажами. Экипаж номер четыре. Старший — капитан Ребров. Водитель — сержант Ковалев.

— Мне нужны имена, Сона. Живые люди.

— Один мертв. Ребров умер в девяносто восьмом. Инфаркт. Второй... — Сона сделала паузу, слышалось быстрое клацанье клавиатуры. — Ковалев Аркадий Витальевич. Шестьдесят девять лет. Генеральный директор строительного холдинга «Строй-Вектор». Особняк в Барвихе. Член попечительского совета фонда ветеранов ФСБ. Неприкосновен.

Марат сжал трубку так, что пластик захрустел. Ковалев.

Аркадий.

Имя убийцы совпало с инициалами на акте уничтожения журнала регистрации. АКВ.

Сын полковника Дроздова и водитель группы прикрытия стали одним лицом. Династия огня.

— Соня, — голос Марата стал тихим, опасным. — Готовь термос. Ночь будет длинной. Игра перешла в эндшпиль. Мы идем не в архивы. Мы идем в гости.

— Марат, он раздавит тебя, — в голосе Соны звучал неподдельный страх. — Ты для него статистическая погрешность. Таксист с судимостью за хранение.

— Для него я — призрак, — Марат посмотрел на свой портфель, доставшийся от отца. — А призраки могут зайти куда угодно. Например, на стройплощадку элитного жилого комплекса «Русский Авангард», который возводит компания сына генерала-поджигателя. Скажи водителю, пусть прогревает мотор. Едем на Рублевку.

Он положил трубку. Подошел к зеркалу в прихожей. Изможденное лицо. Седая щетина. И огромный, иссиня-черный кровоподтек на шее — пятерня Хуты, отпечаток пальцев покойника. Метка, которая останется навсегда.

Марат расстегнул воротник рубашки. Провел рукой по коже.

Затем он открыл шкаф и достал старую одежду. Джинсы. Черная водолазка. Куртка-аляска. Никаких брендов. Никакого премиального такси.

Одежда рабочего человека. Человека, которого никто не запоминает.

Перед выходом он остановился. Вернулся к столу. Взял фотографию отца. Молодой Давид смотрит серьезно, чуть исподлобья.

Марат аккуратно отрезал кусок паспарту снизу. Перевернул. На обратной стороне почерком отца было выведено:

«Не бойся огня, сынок. Бойся тех, кто держит спички. Особенно если эти спички оплачены из бюджета СССР. Целую. Батя».

Марат сунул фото во внутренний карман куртки, ближе к сердцу.

Хлопнула входная дверь. Звук прокатился по лестничной клетке эхом выстрела.

Сорок две души ждали своего часа. Отец ждал ответа.

Марат вызвал обычный лифт. Кабина приехала с грохотом, открывая темные деревянные двери. Он шагнул внутрь, и створки сомкнулись, отрезая его от прошлой жизни таксиста.

Наверху, на парковке, ждало обычное желтое такси эконом-класса. Без тонировки. Без кожи.

Машина, в которой можно незаметно подъехать к воротам любой крепости. Даже если эта крепость построена на костях гостиницы «Россия».

Глава 32. Отец

Марат не спал.

Сон, тяжелый и вязкий, как расплавленный гудрон, накрыл его лишь под утро, когда за окном Автозаводской начало сереть небо. Три года он существовал в ритме ночного хищника: засыпал на рассвете, просыпался к закату. Его биологические часы были синхронизированы с пульсом Садового кольца. Но сегодня механизм дал сбой. Он открыл глаза в девять утра — время, которое для него было глубоким биологическим полднем, — от ощущения физической тяжести в груди.

Это была не тоска. Это был вес.

Он лежал на диване, глядя в потолок, покрытый сеткой мелких трещин, похожих на карту высохшего русла. Вчера ночью, после разговора с Соной и визита к Смирнову, воздух в квартире изменился. Он стал густым, осязаемым. Ма-

рат чувствовал его плотность кожей. Запах озона, принесенный призраком инженера Тимошкина, смешивался с запахом старой пыли, который всегда сопровождал возвращение в прошлое.

Он встал. Тело протестовало — мышцы ныли, словно после драки, суставы отзывались тупой болью на каждое движение. Прошлой ночью он перешагнул черту. Разговор с матерью о Давиде Вергасове взломал плотину, которую он строил десятилетиями.

Тишина квартиры давила. Марат прошел на кухню. На столе стоял остывший чайник, рядом — стакан с недопитым чаем. Линолеум под ногами лип к подошвам домашних тапочек. Всё здесь кричало о временности, о том, что хозяин — просто транзитный пассажир. Но сейчас эта квартира казалась единственным островом реальности в океоке безумия, начавшегося с запаха горелого пластика в «Мерседесе».

Марат подошел к старому платяному шкафу из ДСП, покрытому пленкой под темное дерево. За три года жизни здесь он ни разу не открывал правую створку. Там висели вещи отца. Те самые, которые остались после похорон пять лет назад. Мать хотела выбросить всё сразу — она ненавидела эту квартиру, этот город и воспоминания, связанные с работой мужа. Но Марат запретил. Не из сентиментальности. Из

инстинкта архивариуса, который знает: улика может лежать годами, прежде чем стать доказательством.

Дверца шкафа скрипнула так громко, что Марат вздрогнул. Внутри пахло нафталином и сухой пылью. Пиджаки, рубашки, стопка старых журналов «Наука и жизнь» на нижней полке. Марат присел на корточки. Отодвинул коробки со старыми елочными игрушками. Рука наткнулась на холодный картон.

Коробка. Обувная. Перевязанная бельевой веревкой.

Сердце ударило в ребра тяжело, как молот по наковальне. Марат вытащил коробку. Она оказалась легче, чем он ожидал. Бумага почти ничего не весит.

Он сел прямо на пол, спиной привалившись к холодной батарее отопления. Ноги затекли, но он этого не заметил. Пальцы, привыкшие развязывать узлы на упаковках вещдоков, быстро справились с бечевкой. Крышка откинулась с глухим стуком.

Внутри не было денег. Не было золотых часов или тайных дневников. Только бумага. Спрессованная временем, пожелтевшая, хранящая запах другого государства, которого больше нет.

Первым сверху лежал конверт из плотной оберточной бумаги. Заклеенный широкой полосой скотча. Марат поддел его ногтем. Скотч хрустнул, как сухая кость.

Внутри — газета. Вырезка. Желтая, ломкая. Заголовок жирным шрифтом:

«ГЕРОИЗМ СОВЕТСКИХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ. ПРИЧИНА ТРАГЕДИИ В ГОСТИНИЦЕ "РОССИЯ" УСТАНОВЛЕНА».

Газета «Труд». 1 марта 1977 года.

Марат взял вырезку двумя пальцами. Бумага крошилась по краям. Он пробежал глазами по строчкам, чувствуя, как желчь подступает к горлу.

«Благодаря самоотверженной работе следственной группы Прокуратуры города Москвы во главе с начальником отдела... установлена техническая причина возгорания гостиницы „Россия“. Короткое замыкание электропроводки в радиоузле на двадцать втором этаже, усугубленное халатностью сотрудников узла связи...»

Дальше шли фамилии. Инициативная группа. Ордена Трудового Красного Знамени. Упоминание старшего следователя прокуратуры Замоскворечья Давида Ильича Вер-

гасова. «За проявленное мужество и профессионализм при установлении причин техногенной катастрофы представлен к государственной награде».

Марат смотрел на фамилию отца. Давид. Имя, которое он носил молча, как скрытое клеймо.

Награда. За ложь.

Его отец получил орден за то, что подписал смертный приговор сорока двум людям. За то, что согласился назвать убийство системой спецоперацией технической неисправностью.

Руки задрожали. Не мелкой дрожью страха, а крупной, болезненной судорогой ярости. Той самой яростью, которая копится годами в тишине, пока не превращается в бетонную плиту.

Под газетой лежал листок. Обычный тетрадный лист в клетку, вырванный из середины. Бумага пожелтела сильнее газеты, края истрепались. Марат развернул его осторожно, боясь, что текст рассыплется прахом.

Почерк. Узнаваемый наклон вправо, характерный для людей, пишущих много и быстро. Почерк прокурора. Четкий, каллиграфический. Но сами буквы плясали. Давление на бумагу было таким сильным, что стержень шариковой ручки

продавил лист насквозь, оставив вмятины, похожие на кратеры.

«Журнал. Комитет забрал оригинал на третий день. Смирнов пришел сам. Сказал — отстранен до выяснения обстоятельств. По факту — выкинули на улицу. Меня трясло. Лена плакала. Антон (сын) болеет. Температура.

Лакоба — это наживка для дураков. Дымовая шашка. Они сожгли здание, чтобы скрыть списки гостей семнадцатого этажа. Сорок два человека — это накладные расходы. Статистика. Но они забыли про персонал. Про тех, кто видел их лица внизу.

Главное — не кто сгорел. Главное — кто отдал приказ открыть газовые вентили в коллекторе. Кто сказал Сомову стоять у дверей и не выпускать персонал.

Список из семи фамилий. Я знаю троих. Остальные... нужно искать в другом месте. Если со мной что-то случится, Марат...»

На этом текст обрывался. Буквы становились неразборчивыми, уходя вниз листа рваным зигзагом. Словно рука писавшего внезапно потеряла опору. Или сознание.

Марат перечитал записку трижды. Каждое слово вбивалось в мозг гвоздем.

Смирнов. Старый Лис. Тот самый куратор из Комитета, чей голос звучал в голове Марата сквозь помехи кассет.

Списки. Не только Лакоба. Список из семи фамилий.

Отец знал. Всё это время. Он жил с этим знанием пять лет — от пожара до своей смерти от инфаркта в пустой квартире. Он выбрал сделку. Жизнь сына вместо правды мертвецов.

Марат положил листок на стол. Пальцы оставляли влажные следы на дереве. Он посмотрел на свои руки. Левая кисть мелко тряслась. Адреналин схлынул, оставляя после себя пустоту и звенящий холод.

— Ты тоже был там, — прошептал Марат в тишину кухни.

Фраза, услышанная им вчера в коридорах архива КГБ, перестала быть мистической угрозой перемещения во времени. Она стала констатацией генетического факта. Кровь позвала кровь. Система, убившая сорок два человека в семьдесят седьмом, протянула свою руку сквозь десятилетия и схватила его отца. А теперь держала за горло его самого.

Телефон разразился резким треском, заставив Марата дернуться. Старая Nokia на столе прыгнула, вибрируя. Звонила Сона.

Марат смотрел на экран несколько секунд, прежде чем нажать кнопку ответа. Звук собственного дыхания казался ему оглушительным.

— Да?

— Ты не спал, — голос Соны был лишен эмоций, стерил, как стекло операционной. — Голос мертвый. Что случилось? Нашел в коробке что-то кроме паутины?

— Газету, — хрипло ответил Марат. — «Труд». Первое марта. Награда за героизм. Фиолетовая мастика на подписи. Красиво.

— Понятно, — в её голосе не было удивления. Люди вроде неё давно перестали верить в совпадения. — Значит, папочка знала.

— Он продал душу, Сона, — Марат провел рукой по лицу, кожа показалась чужой, бумажной. — Чтобы меня не сдали в детдом. Смирнов поставил ультиматум. Подписать отчет о коротком замыкании или лишиться родительских прав. Отец выбрал меня. Получил орден. И сломанную психику до конца дней.

— Добро пожаловать в клуб детей империи, — тихо сказала Сона. — Мы все чьи-то сироты.

Марат промолчал. Он смотрел на коробку на полу. Остальное содержимое ждало своего часа.

— Что у тебя? — спросил он.

— Ковалев, — выдохнула Сона. — Аркадий Витальевич. Сын нашего друга полковника Дроздова.

— Живой?

— Более чем. Шестьдесят девять лет. Генеральный директор строительного холдинга «Строй-Вектор». Особняк в Барвихе. Член попечительского совета фонда ветеранов ФСБ. Неприкосновенная мразь. Акции, офшоры, яхты. Папаша оставил ему империю, построенную на костях радистов.

— Список пассажиров, — медленно произнес Марат. — Тех самых семи фамилий. Отец начал составлять список.

— Где? — голос Соны стал жестким, сухим щелчком взводимого курка.

— Здесь. В тексте. Он пишет: «Список из семи фамилий. Я знаю троих». Но дальше бумага порвана. Нам нужен оригинал того журнала регистрации. Настоящий. Не та туфта, которую подсунули прессе.

— Архивы ГБ закрыты наглухо, — напомнила Сона. — Мы уже пытались через официальные каналы. Нас пошлют лесом.

— Значит, пойдем неофициально, — Марат встал. Тело слушалось плохо, колени хрустнули. — Мне нужна одежда. Та, что не выглядит как реклама успешного успеха.

Он прошел в спальню. Однокомнатная коробка встретила

его спертым воздухом. Обои цвета старого чая отслаивались у радиатора. Марат открыл шкаф. Среди вешалок с дешевыми рубашками и джинсами нашел то, что искал. Черный костюм. Дорогой, купленный еще в годы службы, перед самым увольнением. Сейчас ткань казалась траурной.

Рядом висел старый плащ-алюска темно-зеленого цвета. Марат снял его с вешалки. Ткань пахла нафталином и улицей.

Он начал раздеваться. Джинсы, футболка с логотипом какой-то рок-группы — атрибуты его нынешней фальшивой жизни таксиста-призрака падали на пол бесформенной кучей. Марат остался в одних трусах. Холодный воздух обжег кожу.

Он надел черные брюки. Застегнул ремень. Натянул водолазку. Затем — пиджак. Костюм сидел мешковато; за три года он похудел килограммов на пятнадцать. Когда-то этот размер был формой. Теперь это был маскарадный костюм.

Марат подошел к зеркалу в прихожей. Старое зеркало в облупленной пластиковой раме отразило чужака. Осунувшееся лицо, седая щетина трехдневной давности, морщина между бровями, ставшая шрамом.

Но дело было не в лице. Дело было в глазах.

Из зеркала на него смотрел не таксист-неудачник, прячущийся от алиментов и прошлого. На него смотрел вороненый ствол. Следовательно. Бешеный пес системы, которому спустили цепь.

Марат достал из кармана куртки жетон частного охранного предприятия «Премиум-Лайн», болтавшийся на шее на цепочке. Символ его унижения. Знак того, что лучший выпускник юрфака превратился в обслуживающий персонал.

Он сжал металл в кулаке. Хруст пластика прозвучал в тишине комнаты удовлетворенно. Марат бросил жетон в мусорное ведро.

Затем он вернулся к кухонному столу. Открыл коробку отца.

Там, среди старых квитанций и ключей, лежало то, ради чего Давид Вергасов пошел на сделку с дьяволом.

Черный кожаный портфель. Потертый, с тусклыми латунными замками. Портфель советского прокурора.

Марат поднял его. Вес оказался неожиданно тяжелым. Не физическим — символическим. Он положил портфель на диван. Достал из кармана швейцарский нож. Поддел замки. Щелчок.

Звук сработавшей пружины эхом разнесся по квартире.

Внутри не было золота партии.

Там была работа.

Сверху лежала банка из-под индийского чая. Внутри — плотно скрученные рулоны фотопленки. Советская черно-белая КН-3. Марат взял один рулон, поднес к свету. Кадры засвечены, эмульсия пошла пузырями от времени, но контур здания угадывался. Темные провалы окон.

Рядом — катушка магнитофонной ленты МК-60. И самодельный переходник для бобинного магнитофона.

Марат почувствовал, как внутри поднимается тяжелая, горячая волна. Ему показалось, что отец сидит сейчас в этой же комнате, смотрит на него поверх очков и одобрительно кивает.

— Ну что, сынок, — прошептал Марат в пустоту. — Посмотрим твои мультики?

Старая «Яуза-Мини» стояла на антресолях. Гробоподобный ящик из серого пластика, обитый синим дерматином. Марат сдул пыль. Достал аппарат. Поставил на стол.

Запахло озоном и старым трансформаторным маслом.

Он вставил ленту из коробки монпансье. Протер головки ватой со спиртом. Пальцы двигались механически, сами находя нужные рычаги. Навык, въевшийся в подкорку лучше, чем умение ходить.

Щелчок кнопки «Воспроизведение».

Сначала — шипение. Чистое, ровное, похожее на шум прибора. Звук бесконечной магнитной ленты.

Затем — щелчок тумблера. Скрежет стула.

Голос отца ударил по ушам. Молодой. Лишенный прокурорской медной усталости, которая запомнилась Марату с детства. Голос человека, которому двадцать восемь лет, и который еще верит, что закон можно написать заново.

(Шум помех, далекий вой сирены на улице).

«Двенадцатое марта. Девять вечера. Кабинет Зимина. Записываю для себя. На бумагу надежды нет. Если Смирнов найдет эту кассету, мне конец. Скажу, что писал сценарий детектива. Для конкурса Союза писателей».

(Короткий смешок, звук чиркающей спички, жадная затыжка).

«Сегодня ездил на пепелище. Формально — подписать акт передачи дел пожарной охране. Фактически... хотел увидеть место своими глазами. Без погон. Без мундиров. Как

человек, а не функция.

Радиоузел. Все говорят про паяльник Сидорова. Я взял протокол экспертизы Петренко. Лаборатория судебной медицины. Температура плавления меди проводки — тысяча тридцать градусов. Температура в кабельной шахте четырнадцатого этажа, согласно замерам — тысяча двести. Вопрос физики для пятого класса: откуда взялся лишний жар?»

(Пауза. Слышен только гул ветра за окном).

«Ответ пришел сам. Когда я спустился в технический коллектор под четырнадцатым этажом. Место, куда пожарные обычно не лезут — слишком узко. Там пахло не гарью, Сона. Там пахло операционной. Озоном. Резиной. Медью. Металл пах так, будто по нему пропустили разряд молнии. Стена коллектора была прожжена насквозь. Не прогорела — именно прожжена. Ровное отверстие, края блестят стеклом. Так бьет высоковольтный разряд. Не авария. Электрошокер размером с дом».

(Звук шагов, тяжелое дыхание).

«Я вышел во внутренний двор. Ворота заварены изнутри. Чтоб пресса не лезла. Лейтенант Сомов... Герой. Нашли его утром. Сидел, привалившись спиной к чугунной тумбе клумбы. Успел вытолкнуть двоих детей через окно вестибюля. Задохнулся. Маску сорвало взрывной волной, когда рухнул стеклянный зимний сад. Врачи сказали — разрыв легких

от перепада давления».

(Тяжелый глоток воды. Стакан звякнул о зубы).

«Я подошел к пролому в заборе. Улица. Зарядье. Утро. Солнце красное, низкое. Стоит машина. Синяя "Волга". Двадцать четвертая модель. Милицейская серия, но без мигалок. Номер залит пеной, но я успел достать фотоаппарат. "Зенит-Е". Пленка для спецобъектов, чувствительная. Нажал спуск прямо из-за угла. Щелчок получился громким. Как выстрел стартового пистолета».

(Резкий вдох).

«Из машины вышел человек. Серое пальто. Лицо незапоминающееся. Такое рисуют в учебниках для курсантов школы милиции — среднеарифметическое, черты стертые. Достал удостоверение. Красную корочку. Я зажмурился. Открыл глаза — никого. Машина исчезла. Растворилась в утреннем тумане. Будто её и не было».

(Длинная пауза. Слышен только гул пленки).

«А вечером ко мне пришли. Смирнов привез бутылку армянского коньяка. Трехзвездочного. Разлил по стаканам. Сказал: "Давид, забудь формулу расчета температуры. Забудь про дыру в коллекторе. Дело уходит наверх. Это политика. ЦК чистит кадры перед съездом"».

(Голос становится тише, переходит в сдавленный шепот).

«Он положил передо мной папку. Радисты. Сидоров. Козлов. Ознакомление — пять минут. Подпись здесь. Марат... если ты это когда-нибудь услышишь... прости меня. Я трус. Я подписал. Я отдал им пленку. Почти все кадры засвечены вспышкой пожара, эмульсия поплыла от жара. Но три кадра внизу... те самые. Посмотри негативы, сын. Найди их. Там вход в коллектор. Там стояла машина. Синяя "Волга". Они думают, что похоронили правду в Капотне. Но правда не горит. Правда просто ждет».

(Конец записи. Сухой металлический щелчок автостопа).

Магнитофон затих. Комната погрузилась в абсолютную, звенящую тишину. Даже гул трамваев за окном стих, словно улица тоже слушала.

Марат сидел неподвижно. Кассетная лента продолжала вращаться вхолостую, издавая тихий шелест.

Его отец знал. Всё это время. Тридцать лет. Он нес этот яд в себе, передавая сыну не фамилию, а радиоактивный груз вины. Он выбрал синицу в руках — живого ребенка — вместо журавля в небе: честного отчета, который стоил бы им обоим жизни.

Марат выключил магнитофон. Звук замер. В наступившей тишине стало слышно, как капает вода из неплотно за-

крытого крана на кухне. Кап. Кап. Кап. Отсчет времени.

Он поднялся. Ноги затекли, тысячи иголок впились в ступни. Боль возвращала ощущение тела. Возвращала в реальность.

Марат подошел к окну. Раздвинул шторы. Серая муть ноябрьского утра. Мокрый снег пополам с дождем. Двор-колодец тонул в полумраке.

Всё изменилось.

Три года он играл роль. Три года пытался убедить себя, что пожар в «России» — это просто старая история, кусок гнилого мяса, который лучше оставить в земле.

Теперь маски слетели.

Это не история страны. Это его личное дело. Семейный долг.

Система перемолола отца, выплюнув его с орденом на груди и дырой в сердце. Система пыталась перемолоть самого Марата, превратив его в приложение к агрегату такси.

Не вышло.

Он прошел в ванную. Встал перед зеркалом над раковиной. Желтый пластиковый ободок вокруг стекла пожелтел еще сильнее. Лицо смотрело на него чужое. Осунувшееся, с

провалами под глазами, с глубокой вертикальной морщиной между бровей. Морщина, которую он привез из прокуратуры десять лет назад. Тогда она была знаком поражения. Сейчас она стала знаком готовности.

Марат включил горячую воду. Ополоснул лицо. Ледяная струя обожгла кожу, смывая остатки сна и фантомный запах гари.

Он вернулся в комнату.

Открыл шкаф.

Достал одежду.

Черная водолазка плотной вязки. Джинсы без потертостей. Куртка-аляска темно-зеленого цвета. Вещи без бренда. Вещи-призраки, которые позволяют раствориться в толпе государственных учреждений.

Одеваясь, он методично проверял карманы.

Связка ключей.

Бумажник с минимумом налички.

Паспорт на имя Вергасова.

Телефон — старая кнопочная Nokia, купленная на барахолке специально для таких дел. Никаких смартфонов. Никакого GPS-трекинга.

Марат застегнул куртку. Поправил воротник.

В кармане ветровки лежала полоска ткани Виктора Степановича. В другом — мандарин с зеленым листиком. В голове — список из шести имен, восстановленный по крупичкам.

Он подошел к столу. Взял фотографию отца. Молодой Давид стоит у здания прокуратуры, щурится от солнца. На обороте надпись, сделанная твердым почерком: «Сынок, правда — это единственное, что нельзя потратить. Береги себя. Батя».

Марат аккуратно отрезал кусок паспарту снизу. Перевернул. На обратной стороне, карандашом, едва заметно:

«Если найдешь журнал — ищи АКВ. Он знает, где кнопка».

АКВ. Аркадий Витальевич Ковалев. Сын убийцы.

Марат сложил фото и сунул во внутренний карман куртки. Прямо к сердцу.

Хлопнула входная дверь. Звук прокатился по лестничной клетке эхом выстрела. Звук закрывающейся крышки гроба.

Марат вышел из квартиры, аккуратно прикрыв за собой старую деревянную дверь. Замок щелкнул сухо и оконча-

тельно.

Глава тридцати одного года его жизни закончилась.
Начиналась глава тридцать вторая.

Война началась.

Глава 33. Семь фамилий

Марат не помнил, как добрался до кровати. Последнее, что зафиксировало сознание — это вкус озона на языке и ощущение ледяного металла в ладони: кусок предохранителя Тимошкина, который он так и не выпустил из рук, выходя из машины. Сон пришел мгновенно, без переходов, тяжелым ударом обуха по затылку.

Но пробуждение было хуже смерти.

Его разбудила не боль в затекшей шее и не режущий свет дня. Его разбудила тишина. Та самая вязкая, оседаемая тишина, с которой всё началось три года назад. За окном не звенел трамвай. Не хлопали двери подъезда. Город замер, затаив дыхание перед бурей. Марат лежал на диване, глядя в потолок. Серый, с трещиной, идущей от люстры к стене, как река лавы на старой географической карте.

Вчерашний день не был сном. Он знал это по тяжести в груди, по сухому привкусу пепла во рту и по тому, как ныли суставы пальцев после того, как он сжимал руль «Мерседеса» мертвой хваткой. Вчерашняя ночь изменила химию его крови. Механизм, который он пытался заглушить дешевым растворимым кофе и монотонным гулом зимней резины, включился на полную мощность.

Он встал. Пружины дивана простонали протестующе. Голова была тяжелой, но мысли — пугающе ясными.

На кухонном столе царил хаос вчерашнего отчаяния: пустая турка, недопитая кружка, россыпь чеков. Но поверх этого бытового мусора лежало то, чего там быть не должно. Старый скоросшиватель из плотного картона. Тот самый портфель отца, пахнувший пылью казенных коридоров и смертью.

Марат сел. Руки сами потянулись к портфелю. Замки щелкнули сухо, почти радостно, узнав хозяина спустя пять лет после его смерти. Внутри не было ни денег, ни компромата на партийных бонз. Там была работа. Настоящая работа следователя.

Сверху лежала общая тетрадь в коленкоровом переплете. Марат открыл её. Почерк отца. Узнаваемый наклон вправо, характерный для людей, пишущих много протоколов. Чер-

нила выцвели до цвета бледной лазури.

«Дело № 77-25. Внутреннее. Только для себя».

Ниже — список. Просто столбец фамилий. Без титулов. Без должностей. Всего семь строк.

Марат почувствовал, как сердце пропустило удар, а затем забилося где-то в горле. Он схватил свой блокнот. Свой гротеск мертвецов.

Шесть досье. Шесть пассажиров.

Виктор Степанович.

Горничная.

Мальчик.

Эдуард.

Ростик.

Номер 7.

Семь предметов лежали тут же, на столе. Ткань. Пуговица. Мандарин. Портсигар. Папка. Кассета. Мандарин.

Марат начал сопоставлять. Это превратилось в хирургическую операцию. Холодную, методичную, лишенную эмоций.

Лобби. Виктор Степанович. Улика: ткань. Список отца:

Вергасов Д.И. (Зачеркнуто). Рядом приписка: «Не успел. Забрали папку». Анализ: Отец видел систему изнутри. Администратор лобби — это комендант крепости. Он не мог не знать Виктора. Значит, отец считал коллегу частью схемы.

Труд. Горничная. Улика: мандарин. Список отца: Иванова Е.В. (Маркировка стерта). Анализ: Мать мальчика. Сетка информаторов внутри здания.

Подвал. Мальчик. Улика: пуговица. Список отца: Пусто. Приписка: «Скрытая популяция. Невидимки». Анализ: Дети-призраки. Те, кого нет в ведомостях на зарплату.

Искусство. Эдуард. Улика: кассета. Список отца: Мнацаканян Э.А. Анализ: Творец. Человек, чья память живет в звуке.

Тень. Ростик. Улика: портсигар. Список отца: Р.С. (Картеж). Анализ: Теневой банк системы.

Власть. Номер 7. Улика: папка. Список отца: [Вымарано]. Лишь фиолетовый штамп внизу листа: «Архив. Особая секция». Анализ: Чиновник-исполнитель.

Марат откинулся на спинку стула. Дерево скрипнуло. Шестеро совпали. Идеально. До тошноты. Каждый пред-

мет на его столе соответствовал имени в зашифрованном реестре отца.

Но у отца их было семь.

Марат впился взглядом в свою таблицу. Затем в отцовскую тетрадь.

Седьмая строка.

Там не было фамилии. Бумага была повреждена. То ли залита чернилами, то ли... кровью. Остался лишь фрагмент буквы, похожий на мягкий знак или начало слова «Куратор». Но Куратор уже стоял под номером шесть.

Кто был седьмым?

Марат закрыл глаза. Он посмотрел на свои предметы. Семь осколков. Семь голосов.

Ткань. Пуговица. Мандарин. Портсигар. Папка. Кассета. Мандарин.

Стоп.

Предохранитель.

Инженер Тимошкин. Седьмой свидетель. Человек проводов и вольтметра. У него не было предмета на столе Марата. Предохранитель остался лежать в бардачке «Мерседеса»,

завернутый в промасленную ветошь.

Мать шестерых призраков стояла на столе. Седьмого — живого носителя чертежа убийства — среди них не было.

Марат провел ладонью по лицу. Щетина колола пальцы. Отец составил список не жертв. Жертвы были везде — сорок две сожженные души. Нет. Давид Вергасов составил список соучастников. Людей, которые знали механику пружины до того, как она распрямилась.

Администратор видел лица.

Горничная читала записки.

Музыкант играл музыку.

Картёжник держал банк данных.

Чиновник отдавал приказы.

А инженер...

Инженер подал ток.

Марат подошел к окну. Декабрьский рассвет был серым, плоским, лишенным теней. Снег превратился в жидкую грязь под ногами редких прохожих.

— Система убила их за то, что они увидели, — прошептал Марат фразу, которую записал вчера. — Но система убивает дважды. Сначала физически. Потом — стирая имена.

Если отец оставил список соучастников, значит, он искал не исполнителей. Исполнители — расходный материал. Дроздов, Смирнов, пожарные расчеты. Они выполняли работу.

Отец искал тех, кто заказывал музыку. Тех, ради кого Лакоба привез списки. Тех, кому мешал журнал регистрации постояльцев.

Взгляд Марата упал на фотографию отца на книжной полке. Молодой Давид в форме прокуратуры. Твердый взгляд человека, верящего в Уголовный кодекс.

Рядом — старая фотография матери. Она улыбается. На ней платье, которого Марат никогда не видел. Синее. Панбархатное.

Марат вернулся к столу. Открыл ноутбук. Создал новый файл. Стер старый заголовок «Жертвы».

Новый заголовок:

ДОСЬЕ: АРХИТЕКТОРЫ ОГНЯ.

Он работал два часа. Солнце поднялось выше, осветив пыль в воздухе кухни золотыми лезвиями.

Марат рисовал схему. Не вертикальную иерархию этажей гостиницы, как раньше. Теперь это была паутина связей.

Центр: Гостиница «Россия».

Узлы: Финансы: Ростик / Лакоба (Ипподром).

Контроль: Дроздов / Куратор (КГБ).

Логистика: Виктор Степанович (Лобби).

Информация: Горничная (Связи персонала).

Отвлечение: Эдуард (Искусство/Время).

Инфраструктура: Тимошкин (Энергия).

[ПУСТОТА]: Главный Заказчик.

Марат смотрел на пустой сектор диаграммы. Кто выигрывает, когда сгорает биржа? Когда уничтожаются долговые книги?

Тот, кому эти книги должны деньги.

Лакоба хотел забрать кассу ипподрома себе, отрезав каналы старым хозяевам. Для этого ему нужно было уничтожить старые реестры («Списки»), хранящиеся на 17-м этаже.

Но кто позволил этому случиться? Кто дал гарантии?

Человек, которому принадлежала гостиница. Который контролировал охрану. Который приказал охране заблокировать выходы, чтобы паника не выпустила свидетелей наружу.

Марат взял ручку. Вывел под схемой единственное слово:
БЕНЕФИЦИАР.

Телефон разразился резким вибрированием, едва не упав со стола. Марат вздрогнул. Звонила Сона.

— Я проверила Ковалева, — голос в трубке был лишен сонливости. Металл. — Аркадий Витальевич. Сын полковника. Золотой мальчик перестройки. Сейчас владеет половиной строительного рынка Москвы. Холдинг «Строй-Вектор». Неприкосновенность уровня «Государственная тайна».

— Где он сейчас?

— Живет в Барвихе. Охрана ФСО. Забор четыре метра. Инфракрасные датчики. Ты даже калитку не поцелуешь, тебя пристрелят через забор.

— Мы не будем лезть через забор, — Марат застегнул куртку. — Мы идем официально.

— Как журналисты? — в голосе Соны послышалась нервная усмешка.

— Как историки. Скажи водителю, пусть прогревает мотор. И найди бумагу. Много бумаги. Нам нужны бланки адвокатского запроса. Официальные.

Никольская улица сияла фальшивым золотом рождественской иллюминации. Туристы слепили вспышками телефонов фасад ГУМа, превращая историю в сувенирную лавку. Марат ненавидел этот город за его способность забывать. Москва умела строить торговые центры на костях и называть

это развитием инфраструктуры.

Сона ждала в глубине маленькой кофейни, спрятавшись за высокой спинкой кожаного дивана. Единственная дочь министра-нефтяника, ушедшая в независимую адвокатуру защищать политических маргиналов. Их странный союз строился исключительно на взаимной ненависти к системе.

— Сюда, — махнула она рукой, едва он подошел.

Марат сел. От него пахло улицей, бензином и холодным металлом портфеля.

— Показывай, — сказал он, не притрагиваясь к остывшему эспрессо.

Сона подвинула к нему ноутбук. Экран был погашен. Вместо этого она указала на объемный пакет из крафтовой бумаги, перетянутый бечевкой.

— Аккуратно. Пахнет мышами и типографской краской. Перехватила фуру макулатуры. Сказала им, что я из Росимущества, конфискую архив под снос старого завода.

Марат развязал бечевку. Внутри лежала пухлая картонная папка. Надпись на обложке, сделанная фиолетовым штампом: «Утилизация. Макулатура. 1982 г.».

— Как ты это вытащила? — спросил он.

— Случайность, — Сона пожала плечами. — Застройщик торопился оформить землю в Замоскворечье. Директор типографии оказался моим должником еще по делу о сносе усадьбы Сундуковых. Сунул коробку в багажник, пока охрана отвернулась. Сказал — накладные восьмидесятых. Я открыла дома, а там...

Она раздвинула края папки. Плотная желтоватая бумага. Линейки, графы. Журнал учета проживающих. Фиолетовые чернила. Каллиграфический почерк администратора.

Марат водил пальцем по строчкам.

Номер 1701 — Лакоба А.З.

Номер 1703 — Свободен.

Номер 1705 — Свободен.

— Здесь только один человек на весь элитный этаж? — нахмурился Марат.

— Листай дальше, — сказала Сона.

Следующая страница. Раздел «Спецконтингент». Кодовые обозначения вместо имен.

гр. 14-Б (по линии ЦК).

Спецзадание МВД.

Комитет. Литера «К».

— Красный пропуск, — выдохнул Марат. — Уровень Политбюро.

— Листая дальше, — Сона перегнулась через стол. — Смотри сюда. Графа убийства.

Напротив спецконтингента графа была пустой. Напротив Лакобы — запись карандашом: «Эвакуирован. 05:40».

— Эвакуирован, — повторил Марат. — Не погиб. Не числится в списке трупов.

— А теперь смотри сюда, — Сона ткнула пальцем в самый низ страницы. В служебную отметку дежурного.

«25.02. 02:15. Зафиксировано проникновение посторонних в зону изоляции (коридор 17-го эт.). Группа лиц в гражданской одежде (4-5 чел.). Предъявили удостоверение старшего оперуполномоченного УКГБ... Проводили изъятие документации. Действовали грубо. Вызов милиции отменен нач. охраны объекта по распоряжению выше».

— Начохраны, — выдохнул Марат. — Виктор Степанович.

— Именно, — кивнула Сона. — Твой администратор не просто видел их. Он подчинялся им. Он пропустил группу ликвидаторов на семнадцатый этаж. Ровно в тот момент, когда начался «официальный» пожар.

Марат откинулся на спинку дивана. Головокружение на-

катило волной. Все сходилось. Картина складывалась в чудовищный механизм.

Система использовала огонь как промышленный shredder.

Лакоба привез списки. Дроздов обеспечил периметр. Куратор отдал приказ на эвакуацию нужных лиц. Огонь сделал остальное.

— Где остальное? — спросил Марат.

— Больше ничего, — Сона закрыла ноутбук. — Остальное превратилось в туалетную бумагу для нужд Мосгортипографии в восемьдесят втором году. Эта папка чудом застряла в щели стеллажа. Её должны были сжечь еще тогда.

— Значит, живого журнала нет, — констатировал Марат.

— Зато есть список тех, кто подписал акт на уничтожение, — Сона улыбнулась хищной улыбкой. — Смотри последнюю страницу акта. Комиссии.

Марат пролистал папку. Список фамилий. Пятеро. Председатель — полковник Дроздов В.А.

— Дроздов, — имя обожгло гортань. — Куратор упоминал его. Полковник КГБ. Человек Лакобы.

— Полковник Виталий Аркадьевич Дроздов, — подтвердила Сона. — В девяностых курировал приватизацию портов Северо-Запада. Умер в две тысячи пятом. Инфаркт. Похоронен с воинскими почестями на Троекуровском.

— Семья?

— Жена умерла давно. Сын — Аркадий. Тот самый. Строительный холдинг. Связи в мэрии. Неприкосновенен.

— Всегда остается сын, — сказал Марат. — Кровь помнит долги.

Он сложил листы обратно. Завязал бечевку. Руки действовали четко, профессионально. Страх ушел. Осталась только холодная ясность цели.

— План меняется, — сказал он. — Мы идем не в финансовую разведку. Мы идем к сыну.

— Марат, он тебя уничтожит, — тихо сказала Сона. — Ты для него пыль. Таксист с судимостью.

— Для него я — призрак, — Марат застегнул куртку. — А призраки могут зайти куда угодно. Например, на стройплощадку элитного жилого комплекса «Русский Авангард», которую возводит компания сына генерала-поджигателя.

— Шантаж? — приподняла бровь Сона.

— Разговор, — поправил её Марат. — Разговор двух мужчин, чьи отцы оставили незаконченные дела. Я расскажу ему, что знаю про двадцать пятое февраля. Про красный пропуск. Про то, как его отец сжигал людей заживо, выполняя «мероприятия по локализации». А взамен попрошу всего одну вещь. Доступ к личному сейфу Виталия Аркадьевича.

— Думаешь, он хранит отцовские грехи в домашнем сейфе?

— Такие люди сентиментальны, — Марат встал. — Они хранят ордена своих отцов. И их тайны. Тайны греют их лучше камина.

— Я еду с тобой, — заявила Сона.

— Нет, — отрезал Марат. — Это моя война. Ты дала мне оружие. Дальше я сам. Если я не вернусь через полчаса...

— ...значит, я плохо упаковала посылку, — закончила она. — Будь осторожен. Династии защищают своих мертвых яростнее, чем живых.

— Мертвые защитят себя сами, — сказал Марат. — Они уже начали приходить.

Рублевское шоссе встретило его равнодушием богатства. Марат вел машину аккуратно, соблюдая скоростной режим. Правильное поведение — лучшая маскировка. Машина эконом-класса сливается с потоком. Mercedes E-класса привлеч бы внимание чоповца на КПП быстрее, чем мигалка ФСБ.

Особняк Ковалевых напоминал крепость. Красная черепица, гранит, камеры наблюдения, скрытые в лепнине ворот.

Марат остановил машину у гостевой стоянки. Вышел. Поправил галстук. Достал из портфеля пластиковую папку с документами — безупречная легенда застройщика, ищущего разрешения на подключение коммуникаций.

Охранник у ворот смерил его взглядом.

— Вы к кому?

— К Аркадию Витальевичу. По вопросу обременения участка сервитутом теплосети. Документы согласованы с управой.

Это была ложь чистой воды. Но документы выглядели настоящими. Продукт эпохи бюрократического абсурда.

Аркадий Ковалев принял его в личном кабинете на втором этаже особняка. Стены из мореного дуба, вид на заснеженный лес. Запах дорогого табака и одиночества.

— Присаживайтесь, — Ковалев указал на кресло. Сам остался стоять у панорамного окна. — Чай? Кофе? Мой помощник учился в Швейцарии, варит приличный ристретто.

— Спасибо, я ненадолго, — Марат положил папку на низкий столик из карельской березы. — Меня зовут Марат. Историк-краевед. Занимаюсь индустриальной архитектурой советского периода.

— История горелых руин? — Ковалев криво усмехнулся. — Модный тренд. Ностальгия по империи.

— Я изучаю эффективность планировочных решений, — спокойно продолжил Марат. — В частности, инцидент в гостинице «Россия».

Ковалев напрягся. Едва заметно. Напряглись желваки.

— Старая история. Халатность радистов. Закрытое дело.

— Ваша семья имеет к этому отношение? — мягко спросил Марат. — Косвенное. Ваш отец курировал следствие.

— Мой отец был великим человеком, — жестко ответил Ковалев. — Он очистил страну от скверны. Коррупция должна была сгореть.

— Вместе с людьми? — Марат достал из внутреннего кармана копию отчета пожарной комиссии. — Вот здесь интересная деталь. Температура плавления стали дверных петель — полторы тысячи градусов. Пожар в радиоузле дает максимум четыреста. Однако петли на четырнадцатом этаже текли, как воск. Что это говорит вам как инженеру по первому образованию?

Ковалев медленно повернулся от окна. Маска успешного бизнесмена треснула. Под ней проступило лицо загнанного зверя.

— Кто вы такой?

— Я сын Давида Вергасова, — Марат наклонился вперед. Солнечный свет падал на его лицо, оставляя верхнюю часть в тени. — Прокурора, который нашел дыру в коллекторе. Высоковольтный пробой. Импульс свыше тысячи вольт. Кто-то подал напряжение извне. Со стороны лестницы. Той самой, по которой спустились ваши люди в штатском.

Ковалев побледнел. Он шагнул к бару, налил себе коньяк. Рука дрожала.

— Мой отец спас государство, — хрипло сказал он. — Эти списки... если бы они всплыли... началась бы гражданская война. Весь золотой запас партии уходил через ипподром Лакобы в офшоры. Отец перекрыл кран.

— Перекрыл огнем, — уточнил Марат. — Сорок две жизни. «В пределах нормы».

— Это были издержки! — выкрикнул Ковалев. — Необходимые потери! Вы не понимаете масштаба! Если бы те бумаги попали в Политбюро, Хазанов и вся его группа полетели бы головой вниз! Страна рухнула бы!

— Возможно, — Марат оставался неподвижен. — Но ваш отец сжег не только врагов. Он сжег улики против самого себя. Журнал регистрации гостей. Тот самый, оригинал. Который вывезли в «Горки-10» за неделю до пожара. На «ревиизию».

Ковалев замер с бокалом в руке.

— Откуда...

— Из архива, — солгал Марат. — Копия инвентарной описи. Грузовик номер 44. Капотня. Мусоросжигательный завод. Вы хорошо прячете концы в воду, Аркадий Витальевич. Или в бетон.

Ковалев поставил бокал. Звук получился громким.

— Чего вы хотите? Денег? У вас вымогательство, это статья...

— Мне не нужны ваши деньги, — Марат поднялся. — Деньги — это бумага. Мне нужна правда. Которая лежит в вашем домашнем сейфе.

— У меня нет никакого сейфа с грязным бельем отца! — возмутился Ковалев.

— Есть, — Марат смотрел ему прямо в глаза. — В библиотеке. За корешком собрания сочинений Ленина. Там лежат орденские книжки вашего отца. И жестяная коробка из-под чая. В ней негативы. Три кадра. Синяя «Волга» серии МОС. Экипаж четыре. Водитель — сержант Ковалев.

Аркадий пошатнулся. Оперся о край стола. Лицо стало цвета мокрого пепла.

— Вы блефуете.

— Проверьте, — Марат направился к выходу. — Посмотрите записи камер своей дачи за прошлый вторник. Посмотрите, что делает ваша домработница с коробкой из-под обуви в сарае. Она думает, что топит печь старыми счетами. На самом деле она сжигает кости своего мужа вместе с бухгалтерией Комитета Государственной Безопасности.

Ковалев молчал. Воздух в комнате стал густым, как смола.

— Вы сумасшедший, — прошептал он.

— Нет, — Марат обернулся в дверях. — Я аудитор. И я

выставляю счет.

Домой Марат ехал на автопилоте. Руки лежали на руле, но машиной управлял инстинкт выживания.

Они перешли Рубикон.

Обратной дороги нет. Теперь Ковалев знает, что призрак существует. Знает, что кто-то держит в руках нить, ведущую к сейфу его отца.

Северин узнает об этом сегодня вечером. Через свои каналы в службе безопасности холдинга.

Война, о которой говорила Сона, началась секунду назад.

Марат въехал во двор сталинки. Заглушил мотор. Сидел в темноте, слушая, как остывает двигатель.

Тишину нарушал только вой ветра в вентиляционной шахте двора.

Он вошел в квартиру. Не включая свет, прошел в ванную. Достал из-за бачка металлический тубус. Поставил на стол.

Теперь у него было имя. Имя змеи, пригретой на груди государства.

Аркадий Ковалев.

Но Марат понимал: Ковалев — это тоже лишь щупальце. Симптом.

Отец написал: «Главный заказчик — ?».

И обвёл вопрос кружком.

Марат сел за стол. Включил лампу. Положил перед собой лист бумаги.

Нарисовал новую схему.

В центре — не здание гостиницы.

В центре — дата.

25.02.1977.

От неё лучи:

Радиоузел (Устранение техники).

Двери (Изоляция).

Списки (Цель).

Деньги (Мотив).

Театр (Отвлечение).

Вода (Память).

[ПУСТО].

Марат отложил ручку. Потер воспаленные глаза.

Ковалев сдаст Северина. Или наоборот.

Но над ними обоими стоит кто-то третий. Тот, кто нажал кнопку рубильника всей страны. Тот, чей автограф стоял на приказе о создании мусоросжигательного завода в Капотне.

Марат закурил. Дым сизой струйкой потянулся к потолку. За окном пошел снег. Крупный, тяжелый, февральский. Хотя на календаре был октябрь. Время окончательно потеряло смысл.

Марат взял телефон. Набрал номер Соны.

— Я еду домой, — сказал он. — Готовь сканер. И юриста. Мы едем на дачу.

— На Рублевку? — спросила Сона.

— Нет, — Марат посмотрел на свое отражение в темном окне. — Ко мне. На Автозаводскую.

— Зачем?

— Потому что мой арендодатель Ашот говорил, что под половицами в спальне доски дубовые. Дореволюционные. А трубы канализации в нашем доме ведут прямиком в коллектора НКВД.

— Ты псих, — выдохнула Сона.

— Я следовательно, — ответил Марат. — И я только что понял, почему отец хранил негативы в банке из-под кофе, а не в банковской ячейке.

— Почему?

— Потому что настоящий сейф этой страны — это не швейцарский банк. Это ржавая труба под землей. И мы спускаемся в канализацию.

Марат положил трубку.

Посмотрел на стену. На схему гостиницы.

Затем перевел взгляд на полоску ткани в бардачке.

Огонь ищет правду. Но правда умеет прятаться в воде.

А вода — в канализации.

Марат встал. Подошел к старому зеркалу в прихожей. Посмотрел на свое отражение.

На правой щеке красовался идеальный багровый отпечаток пятерни. След прикосновения мертвеца. Печать Каина.

Он улыбнулся своему отражению. Криво, одними губами.

Игра перешла в эндшпиль. Шах и мат приближались.

И где-то там, в темноте московских подземелий, под слоями жира и отходов, ждал ответ на главный вопрос.

Кто заплатил за молчание огня?

Глава 34. Двенадцатый пассажир — Журналист

Ночь в Москве имеет разную плотность. Бывает ночь бархатная, глубокая, которая наступает после полуночи и длится до двух часов — время таксистов, курьеров скорой помощи и влюбленных. В такую ночь город дышит ровно, асфальт впитывает свет фонарей без остатка, а тишина кажется естественным состоянием мира.

Но была другая ночь. Та, что начинается около четырех

утра. Она становилась липкой, серой, как мокрый картон. Воздух густел, наливался предрассветной тоской, и даже моторы машин начинали звучать надсаднее, словно устав толкать перед собой тяжелую воду вместо воздуха. Именно в такую ночь Юрий появился на заднем сиденье его Mercedes E-класса.

Марат вел машину по внутренней стороне Садового кольца, огибая площадь Маяковского. Радио он не включал уже три года, но сейчас поймал себя на том, что тянется к регулятору громкости просто ради того, чтобы разорвать звенящую пустоту. Он отдернул руку. Тишина должна быть абсолютной. Это было правило номер один для приема седьмого гостя.

Он заметил движение в зеркале заднего вида краем глаза. Не открывающуюся дверь, не фигуру у обочины. Движение внутри. Заднее сиденье, которое секунду назад отражало лишь серый пластик потолка и блик пролетающего мимо неона, вдруг изменило фактуру. Кожа стала темнее, рельефнее. На ней проступила тень человека, хотя машина шла под эстакадой, где не было ни одного источника света, способного бросить такой плотный силуэт.

Пассажир опустил на сиденье одним слитным движением. Не плюхнулся в истерике, не упал обессиленно. Он

вошел в машину так, словно входил в собственный гардероб: расправил складки длинного драпового пальто, одернул шарф, аккуратно поставил ноги в начищенных туфлях на коврик. Только после этого он закрыл дверь. Щелчок прозвучал оглушительно громко в вязкой тишине салона.

— Добрый вечер, — произнес Марат в микрофон интеркома. Голос сел за ночь, превратившись в хриплую сталь. — Куда едем?

Мужчина не обернулся. Он продолжал смотреть сквозь тонированное стекло на мокрую газету, прижатую ветром к гранитным ступеням подъезда.

— Просто по городу, — голос у него оказался низким, с бархатной хрипотцой человека, который много курит и мало говорит. — Я скажу, когда остановиться.

Марат кивнул отражению в зеркале. Включил счетчик, хотя знал, что цифры там ничего не значат для таких клиентов. Машина бесшумно тронулась с места, вклиниваясь в редкий поток машин.

Первые пять минут они ехали в тишине. Мимо проплывали огни Тверской, размазанные дождем по стеклу. Пассажир достал из внутреннего кармана портсигар — тяжелый, серебряный, с монограммой, которую Марат не успел раз-

глядеть. Открыл его. Внутри лежала одна сигара, обрезанная заранее. Он понюхал ее, удовлетворенно прикрыл глаза, но доставать не стал. Просто захлопнул крышку. Этот жест сказал Марату больше, чем любые слова. Человек контролировал свои желания до миллиметра.

— У меня был этаж, — вдруг сказал пассажир. Фраза упала в тишину салона тяжело, как слиток свинца.

Марат чуть заметно напряг плечи, но голос остался ровным:

— Хороший вид открывался?

Пассажир впервые повернул голову. Посмотрел на Марата через отражение. Глаза у него оказались бледно-серыми, почти прозрачными, лишенными ресниц. Взгляд был цепким, оценивающим, взвешивающим стоимость автомобиля, костюма самого Марата и пульсацию артерии у него на шее.

— Вид? — переспросил он, и уголок его рта дернулся вверх. — Из моего кабинета, водила, виды не смотрят. Их решают. Твердая точка. Карты, ипподром, тотализатор. Сходки людей, которые днем носят депутатские значки, а вечером считают купюры, перемазанные кровью. Весь второй этаж мой. От лестницы до пожарного выхода.

Он говорил это буднично, перечисляя статьи своего дохо-

да так, как другой перечисляет марки выращенных помидоров.

— Лакомый кусок, — заметил Марат, поворачивая на Моховую. Кремль остался слева, подсвеченный прожекторами, нереально-красный на фоне черного неба.

— Кусок, — согласился пассажир. Он откинулся на спинку, расстегнув нижнюю пуговицу жилета. — Золотое дно. Пока кому-то другому не приглянулось мое дно.

— Хотели забрать?

— Не хотели. Забрали бы. Лакоба всегда брал то, что плохо лежит. А я лежал хорошо, просто отвернулся на секунду.

Имя ударило по нервам. Марат вспомнил досье Соны. Ростислав. Картежник. Держатель точки сбора. Теневой финансист системы.

— Вы оставили паяльник? — спросил Марат, возвращая разговор к официальной версии пожара, которую ему придется защищать, если их остановят.

Тимошкин издал странный звук — нечто среднее между смешком и всхлипом.

— Паяльник... — он протянул руки вперед, ладонями вверх. Ногти были черными от въевшейся грязи, а на кончиках пальцев виднелись белые пятна старых ожогов. — ЭП-СН-40. Стержень медный, луженый. Мощность сорок ватт. Чтобы прожечь изоляцию магистрального кабеля МГШВ, нужно держать его включенным сутки. У нас питание ру-

бильником снималось в девять вечера. По инструкции. Я лично проверял пломбы.

Он говорил быстро, захлебываясь словами, спеша выгрузить из себя правду, пока она снова не застряла в горле.

— В восемь пятьдесят я прошел по этажу. Двадцать восьмой бокс. Двадцать девятый. Радиорубка. Потрогал кожухи усилителей. Холодные. Как могильная плита. Выключил общий автомат в щитовой. Щелчок — и тишина. Полная. Ни гула трансформаторов, ни фона в динамиках. Я расписался в журнале сдачи смены. Поставил время: двадцать один ноль-ноль. И ушел. Через стоянку такси. Сел в «Волгу», приехал домой. Жена борщ сварила. А в двадцать три семнадцать мне позвонил дежурный милиционер из отделения...

Голос сорвался. Тимошкин отвернулся к окну, прижавшись лбом к холодному стеклу. Его дыхание оставляло на пластике мутное пятно.

— Утром приехали двое. Не наши, не управление связи. Комитетчики. Костюмы дорогие, галстуки узкие, туфли скрипят. Один представился майором Дроздовым. Второй вообще рта не открыл, только записывал. Посадили меня в кабинете главного инженера. Положили передо мной чистый лист бумаги. И фотографию моего сына. Второклассника.

Марат крепче сжал руль. Пальцы побелели.

— Сказали подписать акт осмотра места происшествия, — продолжал Тимошкин, не отрывая взгляда от окна. — Где написано, что я нарушил пункт четыре точка двенадцать правил пожарной безопасности. Оставил прибор под напряжением. Что из-за моей преступной халатности возник пожар. А внизу приписка: «С моих слов записано верно».

— Вы подписали?

— А вы бы нет? — Тимошкин повернул голову. В прозрачных глазах блеснули слезы, мгновенно замерзая на щеках. — Майор Дроздов улыбался. Зубы у него были золотые, крупные. Он наклонился ко мне через стол и сказал очень тихо: «Михаил Игнатьевич, подпишите. Мы же не хотим, чтобы ваша супруга осталась без работы в школьной библиотеке? И мальчик ваш... ему ведь скоро вступительные экзамены в физико-математический сдавать. Характеристика из школы нужна безупречная. А мы напишем плохую. Очень плохую. Дети врагов народа плохо интегрируются в советское общество».

Машина вылетела на Кутузовский проспект. Огни встречных фар били по глазам, превращая лицо пассажира в негатив — черные провалы глазниц, белый нос, провалившийся рот. Марат свернул на набережную Тараса Шевченко. Вода внизу темнела тяжелой массой, похожей на мазут.

— Журнал регистрации работ, — сказал Марат. — Тот,

где стояла ваша подпись о снятии напряжения. Что с ним стало?

Тимошкин замер. Его плечи, до этого опущенные в бессилии, напряглись. Он медленно перевел взгляд на Марата.

— Исчез, — выдохнул инженер. — На третий день следствия. Пришел начальник нашего главка, бледный весь, губы синие. Сказал, что материалы переданы в архив Комитета. Для углубленной технической экспертизы. Я ждал неделю. Две. Пошел к следователю прокуратуры, молодому парню, рыжему такому... просил дать посмотреть копию журнала. Следователь посмотрел на меня, как на сумасшедшего. Сказал: «Какой журнал, Михал Игнатьич? В деле указано: "Журнал учета дежурств радиоузла утрачен вследствие термического воздействия"».

Тимошкин ударил кулаком по дверной карте. Раздался глухой стук пластика о металл.

— Утрачен! Не сгорел, а утрачен! Словно зонтик в трамвае забыл! Да тот журнал лежал в сейфе начальника узла! Сейф стоял в десяти метрах от очага возгорания, за двумя противопожарными перегородками! Температура там выше шестидесяти градусов не поднялась! Его украли. Его забрали те самые люди в костюмах, потому что там... — он подавился воздухом. — Там стояли подписи не только мои. Там стояло время прохождения сигнала спецсвязи с семнадцатого этажа. Время переключения линий. И фамилия офицера,

который принял канал за пятнадцать минут до первого хлопка.

Марат почувствовал, как ледяной пот выступает на спине под водолазкой. Картинка начала складываться. Распределительная коробка №4-бис. Место встречи систем. Гражданской сети города и правительственной линии связи. Перемычка. Коробка, куда сходились все провода гостиницы. Если подать туда импульс...

— Куда ехать? — спросил Марат, чтобы вернуть себе контроль над голосом.

— Мне все равно, — тускло отозвался инженер. — Высадите, где не видно асфальта. Где земля.

Марат свернул с магистрали на второстепенную дорогу, ведущую вдоль железнодорожных путей станции Москва-Товарная. Здесь кончался город. Начинались бесконечные ряды складских ангаров из рифленого железа, переплетения ржавых рельсов и горы черного угля под открытым небом. Машина пошла по разбитому бетону, фары выхватывали из темноты покосившиеся заборы с колючей проволокой.

Тимошкин расстегнул ворот халата. Марат увидел на его шее тонкую серебряную цепочку. Инженер вытащил ее из-под свитера. На цепочке висел крошечный кусочек янтаря с

застывшей внутри мухой.

— Сын подарил, — пояснил Тимошкин, пряча камень обратно. — На прошлый Новый год. Купил в сувенирном отделе ГУМа на сдачу от кефира. Говорит: «Папа, ты вечно чинишь мертвое электричество. Пусть у тебя будет хоть что-то живое, застывшее навсегда». Умный мальчик...

Он замолчал, тяжело дыша. Марат остановил машину посреди пустыря. Слева высилась гора шлака, справа темнело русло засыпанной реки Таракановки. Ни души. Только ветер посвистывал в фермах заброшенного моста.

— Почему вы пришли ко мне? — спросил Марат, глуша двигатель. Теперь тишину заполнял только вой ветра. — Шесть пассажиров рассказали свои истории. Вы последний. Зачем системе показывать мне своих мертвых свидетелей?

Тимошкин долго смотрел на свои колени. Затем медленно, преодолевая сопротивление суставов, поднял голову. Его прозрачные глаза встретились с взглядом Марата в зеркале.

— Потому что система дала сбой, — сказал он совсем другим голосом. Твердым, лишенным металлической дрожи. Таким голосом говорят главные инженеры пусковых комиссий. — Вы собрали шестерых. Горничную, администратора, музыканта, мальчишку, каталу и чиновника. Вы выстроили вертикаль. Лобби, номера, ресторан, подвал. Вы поняли, что здание сожгли намеренно. Но архитектура горит

сверху вниз, молодой человек. Или снаружи внутрь. А огонь в «России» пошел изнутри стен. Из шахт слаботочных сетей.

Он подался вперед, упершись коленями в спинку водительского кресла. Запах канифоли стал невыносимым.

— Магистральный кабель нашей трансляции проходил в коробе рядом с силовыми линиями лифтов. Шахта общая. Когда лифтовые двигатели пошли вразнос от короткого замыкания наверху — а они обязаны были пойти вразнос, когда посыпались искры с семнадцатого этажа, где сжигали списки Лакобы — электромагнитный импульс выжег нашу защиту. Но главное не это. Главное — наводка.

Тимошкин схватил свой металлический чемоданчик, лежавший на сиденье, положил его на колени и щелкнул замками.

— В семьдесят седьмом году гостиница «Россия» была самым сложным объектом связи в Европе. Кроме радиоточки, мы обслуживали линии правительственной связи «ВЧ», каналы КГБ и резервную сеть гражданской обороны. Весь трафик сходил в моем радиоузле на минус втором техническом этаже. Прямо над бомбоубежищем.

Он откинул крышку чемоданчика. Внутри, на синем поролоне, лежали не инструменты. Там лежали артефакты другой эпохи. Зеленая плата с лампами, массивный релейный

блок размером с кирпич, и пожелтевший лист миллиметровки, сложенный вчетверо.

— Вот, — Тимошкин развернул схему на коленях. — Смотрите сюда. Красная линия — силовой ввод. Синяя — наша трансляция. Зеленым я пометил кабель спецсвязи. Видите узел? Крестик. Это распределительная коробка №4-бис. Она находилась в стене, отделявшей наш технический коридор от лестничного пролета «А». Того самого пролета, куда, по вашим словам, спустились люди с папками.

Марту пришлось наклониться ниже, чтобы рассмотреть чертеж в свете салонной лампы. Рука Тимошкина, указывающая на крестик, ходила ходуном.

— В коробке №4-бис соединялись две системы. Наша гражданская сеть и их зашифрованный канал. Соединялись напрямую, через перемычку. Нарушение всех мыслимых регламентов секретности. Перемычка позволяла им в случае тревоги перебрасывать сигнал штаба округа через наши бытовые динамики в номерах. Чтобы транслировать команды эвакуации, если основная связь ляжет.

Тимошкин ткнул пальцем в точку соединения.

— Двадцать пятого февраля, примерно в двадцать два тридцать, по нашему каналу — подчеркиваю, по мирному проводу, идущему к радиоточкам в холлах этажей — прошел

разряд чудовищной мощности. Это не было коротким замыканием аккумулятора. Это был высоковольтный пробой. Кто-то подал в линию спецсвязи напряжение свыше тысячи вольт. Расчетно. Чтобы гарантированно уничтожить аппаратуру записи на другом конце. Чтобы расплавить головки магнитофонов.

Инженер закрыл глаза, вспоминая цифры.

— Ток ищет кратчайший путь к земле. Ближайшая земля на минус втором — это арматурный каркас фундамента и свинцовые оболочки кабелей канализации. Но импульс не пошел вниз. Он ударил вбок. Перемычка в коробке №4-бис раскалилась добела. Медный сердечник испарился. Но прежде чем он исчез, электрическая дуга перекинулась на внешнюю оплетку соседнего силового кабеля освещения. Изоляция вспыхнула. Огонь пошел по ветоши и пыли, которой забиты старые вентиляторы.

Тимошкин свернул схему дрожащими руками.

— Меня сделали виноватым, потому что мой паяльник — идеальный сценарий для идиотов. Но настоящий запал находился в коробке №4-бис. Искра пришла извне. Со стороны лестницы. Те, кто нес документы, знали, что идут уничтожать улики. Они использовали термобарический заряд малой мощности или простой электрический резак высокого напряжения, замаскированный под связное оборудование.

Они подожгли стену изнутри, зная, что вентиляция вытянет первый дым в систему кондиционирования ресторана Эдурда, создав панику на верхних этажах, отрезав пути отхода людям Лакобы снизу, а затем пламя уйдет в перекрытия. Чистота операции. Никаких следов взрывчатки. Просто старая проводка. Просто пьяный радист.

Он захлопнул чемоданчик. Звук получился неожиданно громким, похожим на выстрел.

— Я пришел к вам, потому что хочу снять нагрузку, — сказал Тимошкин, и в его голосе снова послышалась человеческая усталость. — Тридцать лет я носил это в себе. Каждый раз, когда слышал песню Муслима Магомаева из динамика в троллейбусе, я думал: моя работа. Каждый раз, когда объявляли посадку на вокзале: моя работа. Я давал голос этому городу. А потом позволил вырвать этому городу язык, чтобы спасти шкуру полковника с золотыми зубами.

— Дроздов, — подсказал Марат.

— Дроздов Василий Аркадьевич, — подтвердил Тимошкин. — Человек, который умеет превращать катастрофы в статистику. Он сидел напротив меня с фотографией моего сына. Он знал физику процесса лучше меня. Он знал, что произошло в коробке №4-бис. И он смеялся надо мной, заставляя подписывать ложь.

Тимошкин замолчал. Ветер снаружи усилился, бросая в стекла мелкий колючий снег. Марат смотрел на профиль инженера. Седые волосы, впалые щеки, страдальчески сжатый рот. Этот человек умер не в огне. Он умер в тот момент, когда поставил подпись под чужим приговором, вернувшись домой к остывшему борщу.

— Спасибо, Михаил Игнатьевич, — сказал Марат.

— Не за что, — усмехнулся Тимошкин. Уголки его губ дрогнули, обнажив металлические коронки. — Вам спасибо. За то, что слушаете. Нам всем... нам очень нужно было, чтобы кто-то дослушал до конца.

Он отстегнул ремень. Протянул руку к ручке двери.

— Оставайтесь, — попросил Марат. — Скоро рассвет. Можно поехать на реку. Там спокойно.

Тимошкин покачал головой.

— Нет. Мой рейс окончен. Провода заземлены. Автоматика отключена.

Он открыл дверь. Внутрь ворвался ледяной воздух, пахнувший креозотом и углем. Тимошкин начал вылезать из машины, волоча за собой ногу. Его халат зацепился за язычок замка ремня безопасности. Марат инстинктивно потянулся помочь, ухватив инженера за предплечье.

Рука прошла сквозь воздух.

Там, где должно было быть напряженное сухожилие старика, оказалась пустота. Марат ощутил лишь слабый статический разряд, кольнувший подушечки пальцев, и дуновение сквозняка.

Дверь захлопнулась сама. Без щелчка. Мягко, плотно, герметично отсекая пустой салон от ночной промзоны.

Марат сидел неподвижно, глядя на дверную карту. На бежевом кожаном сиденье, в том месте, где только что находились бедра Тимошкина, не осталось примятости. Сиденье было идеально ровным. Прохладным. Чехлы хранили утреннюю заводскую складку.

На приборной панели мигал зеленый индикатор непристегнутого ремня безопасности заднего правого пассажира. Марат протянул руку назад, сам нащупал скобу замка и вставил в нее язычок пряжки. Механизм сухо щелкнул. Индикатор погас.

Мотор работал на холостых оборотах. Печка гнала теплый воздух. Марат сидел в железной капсуле посреди брошенной советской империи, сжимая руль так, что побелели костяшки. Семеро. Круг замкнулся.

Он опустил глаза на центральную консоль. Рядом с подстаканником, там, где минуту назад стоял металлический чемоданчик инженера, лежал предмет. Маленький, черный, прямоугольный.

Марат взял его в руки. Это был кусок предохранителя. Старая стеклянная трубка ПЦ-30, залитая изнутри темной запекшейся массой. Металлические колпачки на концах покрылись густой зеленой патиной окисления. А само стекло, толстое, закаленное, пошло сеткой мелких трещин, расходящихся от центра — характерный рисунок удара сверхвысокочастотным импульсом или мощной электрической дугой.

Марат поднес предохранитель к лицу. От него не пахло гарью. От него пахло озоном. Тем самым сухим, стерильным запахом чистого электричества, который стоит в серверных комнатах сразу после срабатывания систем защиты. Запах прерванного контакта.

«ГОСТ 77», вспомнил Марат метку на ткани Виктора Степановича. «ЭПСН-40», услышал он голос Тимошкина. Числа окружали его, выстраиваясь в таблицу. Физика, ГО-СТы, амперы, метры квадратных сечений проводов. Вся советская империя держалась на этих цифрах. Империя строила гигантские гостиницы, прокладывала тысячи километров

бронированного кабеля, рассчитывала нагрузки на перекрытия, чтобы выдержать вес тысяч людей, танцующих на 22-м этаже. Но империю убила одна неправильно спроектированная перемычка в коробке №4-бис. Одна бумажка, подписанная инженером под угрозой жизни ребенка.

Марат положил стеклянный труп предохранителя в бардачок, к полоске синей ткани. Бардачок теперь закрывался с трудом. Семь предметов создали физическую массу. Плотность памяти превысила объем пластикового ящика.

Он включил передачу. Машина мягко тронулась с места, выезжая из лабиринта ржавых рельсов обратно к огням города. Марат взглянул в зеркало заднего вида, готовясь увидеть привычный морок — неровную тень на коже сиденья.

Зеркало отразило пустоту.

Но когда Марат отвел взгляд обратно к дороге, боковым зрением он успел заметить, как на мгновение лопнуло стекло левой передней фары. Оно не разбилось, не рассыпалось осколками. Оно покрылось той же сетью микротрещин, что и предохранитель Тимошкина, на долю секунды вспыхнуло слепяще-белым светом перегоревшей вольфрамовой нити, а затем вновь стало целым и прозрачным, идеальной выпуклой формы.

Марат моргнул. Резь в глазах прошла. Фара светила ровно и ярко.

Город впереди просыпался. Первые мусоровозы выползли на проспекты, первые дворники выходили к подъездам. День требовал ответов. Марат включил первую передачу.

Запах гари в салоне наконец начал отступать, уступая место запаху горячего антифриза и остывающего моторного масла. Но на языке остался привкус пепла, а в ушах продолжало стоять тихое, методичное гудение разомкнутого электрического контура. Контур был замкнут. История получила свое техническое обоснование. Теперь ей требовался юридический финал.

Марат выключил ноутбук, но экран не погас окончательно — он ушел в глубокий черный цвет, который продолжал светиться изнутри, если смотреть на него под углом. В квартире на Автозаводской стояла тишина, прерываемая лишь ровным гулом трамвая за окном. Рельсы проходили так близко к дому, что по ночам стаканы в старом буфете мелко дрожали. Но сейчас был день, и Марат чувствовал эту вибрацию подошвами стоп, стоя босиком на вытертом линолеуме.

Три года ночной смены в «Премиум-Лайн» приучили его

тело спать днем мертвым сном, отключаясь ровно через семь часов после окончания смены, как сработавший таймер. Сегодня механизм дал сбой. Он проспал всего три часа. Проснулся не от будильника и не от звона трамвая, а от тяжести в груди. Это была не одышка и не похмелье от дешевого кофе. Это была тяжесть папки с делом, которую он слишком долго держал закрытой.

Он сел на диване, спустив ноги на пол. Комната выглядела чужой при дневном свете. Желтые обои с грязно-цветочным узором казались еще более облупленными, коричневая мебель цвета застывшей смолы давила своей массивностью. Хозяин квартиры, пожилой армянин Ашот, называл этот стиль «сталинским наследием для бедных». Марату было все равно. Диван выдерживал его вес, шкаф закрывался, а окно выходило на трамвайные пути — этого хватало, чтобы не замечать пространство вокруг себя.

Но сегодня голова больше не хотела быть тюрьмой. Она требовала действий.

Марат прошел на кухню. Налил воды в старый алюминиевый чайник со свистком, поставил на газ. Пока вода закипала, он стоял у окна и смотрел на улицу. Декабрьский день был серым, плоским, лишенным теней. Снег, выпавший ночью, уже превратился в жидкую грязь, перемешанную с ре-

агентами. Люди шли быстро, втянув головы в плечи, дыша паром. Обычная московская зима. Обычный город, который каждое утро делал вид, что вчера ничего не произошло.

Вчерашний день не был сном.

Марат вернулся в комнату. Открыл ящик стола, где впремешку лежали ключи, старые чеки с заправок, пара батареек и лупа из хозяйственного магазина. На самом дне, завернутая в чистую футболку, лежала улика номер один. Полоска темно-синей подкладочной ткани. Края неровные — оторванные, не отрезанные. Марат развернул ее на кухонном столе. Поднес к лицу.

Запах ударил мгновенно. Сухая, горькая гарь. Не запах костра на даче или выхлопной трубы. Это был запах синтетики, плавящейся от температуры горения бумаги и человеческих волос. Запах февраля семьдесят седьмого года. Но теперь к нему примешалось другое. Едва уловимый аромат старой древесины, нафталина и чего-то кисловатого, медицинского. Ткань впитала атмосферу квартиры Кононова? Нет. До квартиры он еще не доехал. Значит, ткань менялась. Она жила во времени, которое сам Марат пытался игнорировать.

Он положил ткань обратно в ящик. Закрыл его. Пошел в ванную, встал перед зеркалом над раковиной. Желтый пла-

стиковый ободок пожелтел еще сильнее, отражая тусклую лампочку. Лицо смотрело на него чужое. Осунувшееся, с глубокими провалами под глазами. Морщина между бровей — та самая, прокурорская, привезенная из здания на Новокузнецкой улице десять лет назад — стала похожа на шрам. Щетина пробивалась седыми иглами.

На правой щеке кожа была идеально гладкой. Никакого розового следа от прикосновения того, кто сидел сзади. Никаких ожогов. Только память пальцев о сухом тепле.

— Собирайся, Вергасов, — сказал он своему отражению. Голос звучал хрипло, горло пересохло. — Ты снова на работе.

Три года ночной смены приучили его тело спать днем мертвым сном, отключаясь ровно через семь часов после окончания смены, как сработавший таймер. Сегодня механизм дал сбой. Он проспал всего три часа. Проснулся не от будильника и не от звона трамвая, а от тяжести в груди. Это была не одышка и не похмелье от дешевого кофе. Это была тяжесть папки с делом, которую он слишком долго держал закрытой.

Он сел на диване, спустив ноги на пол. Комната выглядела чужой при дневном свете. Желтые обои с грязно-цвет-

точным узором казались еще более облупленными, коричневая мебель цвета застывшей смолы давила своей массивностью. Хозяин квартиры, пожилой армянин Ашот, называл этот стиль «сталинским наследием для бедных». Марату было все равно. Диван выдерживал его вес, шкаф закрывался, а окно выходило на трамвайные пути — этого хватало, чтобы не замечать пространство вокруг себя.

Но сегодня голова больше не хотела быть тюрьмой. Она требовала действий.

Марат прошел на кухню. Налил воды в старый алюминиевый чайник со свистком, поставил на газ. Пока вода закипала, он стоял у окна и смотрел на улицу. Декабрьский день был серым, плоским, лишенным теней. Снег, выпавший ночью, уже превратился в жидкую грязь, перемешанную с реагентами. Люди шли быстро, втянув головы в плечи, дыша паром. Обычная московская зима. Обычный город, который каждое утро делал вид, что вчера ничего не произошло.

Вчерашний день не был сном.

Администратор Виктор Степанович исчез из закрытого салона Mercedes E-класса, оставив на сиденье полоску ткани, пахнущую гарью пятидесятилетней давности. Мальчик из подвала гостиницы «Россия», женщина с мандаринами,

пианист Эдуард Мнацаканян, картёжник Ростик и безымянный Номер Семь — они прошли сквозь Марата чередой призраков, каждый со своим запахом, болью и куском правды.

Куратор сказал: «Я принял решение». И сгорел вместе со списками.

Марат вернулся в комнату. Открыл ящик стола, где впоремешку лежали ключи, старые чеки с заправок, пара батареек и лупа из хозяйственного магазина. На самом дне, завернутая в чистую футболку, лежала улика номер один. Полоска темно-синей подкладочной ткани. Края неровные — оторванные, не отрезанные. Марат развернул ее на кухонном столе. Поднес к лицу.

Запах ударил мгновенно. Сухая, горькая гарь. Не запах костра на даче или выхлопной трубы. Это был запах синтетики, плавящейся от температуры горения бумаги и человеческих волос. Запах февраля семьдесят седьмого года. Но теперь к нему примешалось другое. Едва уловимый аромат старой древесины, нафталина и чего-то кисловатого, медицинского. Ткань впитала атмосферу квартиры Кононова? Нет. До квартиры он еще не доехал. Значит, ткань менялась. Она жила во времени, которое сам Марат пытался игнорировать.

Он положил ткань обратно в ящик. Закрыл его. Пошел в

ванную, встал перед зеркалом над раковиной. Желтый пластиковый ободок пожелтел еще сильнее, отражая тусклую лампочку. Лицо смотрело на него чужое. Осунувшееся, с глубокими провалами под глазами. Морщина между бровей — та самая, прокурорская, привезенная из здания на Новокузнецкой улице десять лет назад — стала похожа на шрам. Щетина пробивалась седыми иглами.

На правой щеке кожа была идеально гладкой. Никакого розового следа от прикосновения того, кто сидел сзади. Никаких ожогов. Только память пальцев о сухом тепле.

— Собирайся, Вергасов, — сказал он своему отражению. Голос звучал хрипло, горло пересохло. — Ты снова на работе.

Три года ночной смены в «Премииум-Лайн» приучили его тело спать днем мертвым сном, отключаясь ровно через семь часов после окончания смены, как сработавший таймер. Сегодня механизм дал сбой. Он проспал всего три часа. Проснулся не от будильника и не от звона трамвая, а от тяжести в груди. Это была не одышка и не похмелье от дешевого кофе. Это была тяжесть папки с делом, которую он слишком долго держал закрытой.

Он сел на диване, спустив ноги на пол. Комната выгля-

дела чужой при дневном свете. Желтые обои с грязно-цветочным узором казались еще более облупленными, коричневая мебель цвета застывшей смолы давила своей массивностью. Хозяин квартиры, пожилой армянин Ашот, называл этот стиль «сталинским наследием для бедных». Марату было все равно. Диван выдерживал его вес, шкаф закрывался, а окно выходило на трамвайные пути — этого хватало, чтобы не замечать пространство вокруг себя.

Но сегодня голова больше не хотела быть тюрьмой. Она требовала действий.

Марат прошел на кухню. Налил воды в старый алюминиевый чайник со свистком, поставил на газ. Пока вода закипала, он стоял у окна и смотрел на улицу. Декабрьский день был серым, плоским, лишенным теней. Снег, выпавший ночью, уже превратился в жидкую грязь, перемешанную с реагентами. Люди шли быстро, втянув головы в плечи, дыша паром. Обычная московская зима. Обычный город, который каждое утро делал вид, что вчера ничего не произошло.

Вчерашний день не был сном.

Администратор Виктор Степанович исчез из закрытого салона Mercedes E-класса, оставив на сиденье полоску ткани, пахнущую гарью пятидесятилетней давности. Мальчик

из подвала гостиницы «Россия», женщина с мандаринами, пианист Эдуард Мнацаканян, картёжник Ростик и безымянный Номер Семь — они прошли сквозь Марата чередой призраков, каждый со своим запахом, болью и куском правды.

Куратор сказал: «Я принял решение». И сгорел вместе со списками.

Марат вернулся в комнату. Открыл ящик стола, где впремешку лежали ключи, старые чеки с заправок, пара батареек и лупа из хозяйственного магазина. На самом дне, завернутая в чистую футболку, лежала улика номер один. Полоска темно-синей подкладочной ткани. Края неровные — оторванные, не отрезанные. Марат развернул ее на кухонном столе. Поднес к лицу.

Запах ударил мгновенно. Сухая, горькая гарь. Не запах костра на даче или выхлопной трубы. Это был запах синтетики, плавящейся от температуры горения бумаги и человеческих волос. Запах февраля семьдесят седьмого года. Но теперь к нему примешалось другое. Едва уловимый аромат старой древесины, нафталина и чего-то кисловатого, медицинского. Ткань впитала атмосферу квартиры Кононова? Нет. До квартиры он еще не доехал. Значит, ткань менялась. Она жила во времени, которое сам Марат пытался игнорировать.

Он положил ткань обратно в ящик. Закрыв его. Пошел в ванную, встал перед зеркалом над раковиной. Желтый пластиковый ободок пожелтел еще сильнее, отражая тусклую лампочку. Лицо смотрело на него чужое. Осунувшееся, с глубокими провалами под глазами. Морщина между бровей — та самая, прокурорская, привезенная из здания на Новокузнецкой улице десять лет назад — стала похожа на шрам. Щетина пробивалась седыми иглами.

На правой щеке кожа была идеально гладкой. Никакого розового следа от прикосновения того, кто сидел сзади. Никаких ожогов. Только память пальцев о сухом тепле.

— Собирайся, Вергасов, — сказал он своему отражению. Голос звучал хрипло, горло пересохло. — Ты снова на работе.

Три года ночной смены в «Премииум-Лайн» приучили его тело спать днем мертвым сном, отключаясь ровно через семь часов после окончания смены, как сработавший таймер. Сегодня механизм дал сбой. Он проспал всего три часа. Проснулся не от будильника и не от звона трамвая, а от тяжести в груди. Это была не одышка и не похмелье от дешевого кофе. Это была тяжесть папки с делом, которую он слишком долго держал закрытой.

Он сел на диване, спустив ноги на пол. Комната выглядела чужой при дневном свете. Желтые обои с грязно-цветочным узором казались еще более облупленными, коричневая мебель цвета застывшей смолы давила своей массивностью. Хозяин квартиры, пожилой армянин Ашот, называл этот стиль «сталинским наследием для бедных». Марату было все равно. Диван выдерживал его вес, шкаф закрывался, а окно выходило на трамвайные пути — этого хватало, чтобы не замечать пространство вокруг себя.

Но сегодня голова больше не хотела быть тюрьмой. Она требовала действий.

Марат прошел на кухню. Налил воды в старый алюминиевый чайник со свистком, поставил на газ. Пока вода закипала, он стоял у окна и смотрел на улицу. Декабрьский день был серым, плоским, лишенным теней. Снег, выпавший ночью, уже превратился в жидкую грязь, перемешанную с реагентами. Люди шли быстро, втянув головы в плечи, дыша паром. Обычная московская зима. Обычный город, который каждое утро делал вид, что вчера ничего не произошло.

Вчерашний день не был сном.

Администратор Виктор Степанович исчез из закрытого салона Mercedes E-класса, оставив на сиденье полоску тка-

ни, пахнущую гарью пятидесятилетней давности. Мальчик из подвала гостиницы «Россия», женщина с мандаринами, пианист Эдуард Мнацаканян, картёжник Ростик и безымянный Номер Семь — они прошли сквозь Марата чередой призраков, каждый со своим запахом, болью и куском правды.

Куратор сказал: «Я принял решение». И сгорел вместе со списками.

Марат вернулся в комнату. Открыл ящик стола, где вперемишку лежали ключи, старые чеки с заправок, пара батареек и лупа из хозяйственного магазина. На самом дне, завернутая в чистую футболку, лежала улика номер один. Полоска темно-синей подкладочной ткани. Края неровные — оторванные, не отрезанные. Марат развернул ее на кухонном столе. Поднес к лицу.

Запах ударил мгновенно. Сухая, горькая гарь. Не запах костра на даче или выхлопной трубы. Это был запах синтетики, плавящейся от температуры горения бумаги и человеческих волос. Запах февраля семьдесят седьмого года. Но теперь к нему примешалось другое. Едва уловимый аромат старой древесины, нафталина и чего-то кисловатого, медицинского. Ткань впитала атмосферу квартиры Кононова? Нет. До квартиры он еще не доехал. Значит, ткань менялась. Она жила во времени, которое сам Марат пытался игнорировать.

Он положил ткань обратно в ящик. Закрыв его. Пошел в ванную, встал перед зеркалом над раковиной. Желтый пластиковый ободок пожелтел еще сильнее, отражая тусклую лампочку. Лицо смотрело на него чужое. Осунувшееся, с глубокими провалами под глазами. Морщина между бровей — та самая, прокурорская, привезенная из здания на Новокузнецкой улице десять лет назад — стала похожа на шрам. Щетина пробивалась седыми иглами.

На правой щеке кожа была идеально гладкой. Никакого розового следа от прикосновения того, кто сидел сзади. Никаких ожогов. Только память пальцев о сухом тепле.

— Собирайся, Вергасов, — сказал он своему отражению. Голос звучал хрипло, горло пересохло. — Ты снова на работе.

Три года ночной смены в «Премии-Лайн» приучили его тело спать днем мертвым сном, отключаясь ровно через семь часов после окончания смены, как сработавший таймер. Сегодня механизм дал сбой. Он проспал всего три часа. Проснулся не от будильника и не от звона трамвая, а от тяжести в груди. Это была не одышка и не похмелье от дешевого кофе. Это была тяжесть папки с делом, которую он слишком долго держал закрытой.

Он сел на диване, спустив ноги на пол. Комната выглядела чужой при дневном свете. Желтые обои с грязно-цветочным узором казались еще более облупленными, коричневая мебель цвета застывшей смолы давила своей массивностью. Хозяин квартиры, пожилой армянин Ашот, называл этот стиль «сталинским наследием для бедных». Марату было все равно. Диван выдерживал его вес, шкаф закрывался, а окно выходило на трамвайные пути — этого хватало, чтобы не замечать пространство вокруг себя.

Но сегодня голова больше не хотела быть тюрьмой. Она требовала действий.

Марат прошел на кухню. Налил воды в старый алюминиевый чайник со свистком, поставил на газ. Пока вода закипала, он стоял у окна и смотрел на улицу. Декабрьский день был серым, плоским, лишенным теней. Снег, выпавший ночью, уже превратился в жидкую грязь, перемешанную с реагентами. Люди шли быстро, втянув головы в плечи, дыша паром. Обычная московская зима. Обычный город, который каждое утро делал вид, что вчера ничего не произошло.

Вчерашний день не был сном.

Администратор Виктор Степанович исчез из закрытого

салона Mercedes E-класса, оставив на сиденье полоску ткани, пахнущую гарью пятидесятилетней давности. Мальчик из подвала гостиницы «Россия», женщина с мандаринами, пианист Эдуард Мнацаканян, картёжник Ростик и безымянный Номер Семь — они прошли сквозь Марата чередой призраков, каждый со своим запахом, болью и куском правды.

Куратор сказал: «Я принял решение». И сгорел вместе со списками.

Марат вернулся в комнату. Открыл ящик стола, где впремешку лежали ключи, старые чеки с заправок, пара батареек и лупа из хозяйственного магазина. На самом дне, завернутая в чистую футболку, лежала улика номер один. Полоска темно-синей подкладочной ткани. Края неровные — оторванные, не отрезанные. Марат развернул ее на кухонном столе. Поднес к лицу.

Запах ударил мгновенно. Сухая, горькая гарь. Не запах костра на даче или выхлопной трубы. Это был запах синтетики, плавящейся от температуры горения бумаги и человеческих волос. Запах февраля семьдесят седьмого года. Но теперь к нему примешалось другое. Едва уловимый аромат старой древесины, нафталина и чего-то кисловатого, медицинского. Ткань впитала атмосферу квартиры Кононова? Нет. До квартиры он еще не доехал. Значит, ткань менялась. Она

жила во времени, которое сам Марат пытался игнорировать.

Он положил ткань обратно в ящик. Закрыл его. Пошел в ванную, встал перед зеркалом над раковиной. Желтый пластиковый ободок пожелтел еще сильнее, отражая тусклую лампочку. Лицо смотрело на него чужое. Осунувшееся, с глубокими провалами под глазами. Морщина между бровей — та самая, прокурорская, привезенная из здания на Новокузнецкой улице десять лет назад — стала похожа на шрам. Щетина пробивалась седыми иглами.

На правой щеке кожа была идеально гладкой. Никакого розового следа от прикосновения того, кто сидел сзади. Никаких ожогов. Только память пальцев о сухом тепле.

— Собирайся, Вергасов, — сказал он своему отражению. Голос звучал хрипло, горло пересохло. — Ты снова на работе.

Три года ночной смены в «Премиум-Лайн» приучили его тело спать днем мертвым сном, отключаясь ровно через семь часов после окончания смены, как сработавший таймер. Сегодня механизм дал сбой. Он проспал всего три часа. Проснулся не от будильника и не от звона трамвая, а от тяжести в груди. Это была не одышка и не похмелье от дешевого кофе. Это была тяжесть папки с делом, которую он

слишком долго держал закрытой.

Он сел на диване, спустив ноги на пол. Комната выглядела чужой при дневном свете. Желтые обои с грязно-цветочным узором казались еще более облупленными, коричневая мебель цвета застывшей смолы давила своей массивностью. Хозяин квартиры, пожилой армянин Ашот, называл этот стиль «сталинским наследием для бедных». Марату было все равно. Диван выдерживал его вес, шкаф закрывался, а окно выходило на трамвайные пути — этого хватало, чтобы не замечать пространство вокруг себя.

Но сегодня голова больше не хотела быть тюрьмой. Она требовала действий.

Марат прошел на кухню. Налил воды в старый алюминиевый чайник со свистком, поставил на газ. Пока вода закипала, он стоял у окна и смотрел на улицу. Декабрьский день был серым, плоским, лишенным теней. Снег, выпавший ночью, уже превратился в жидкую грязь, перемешанную с реагентами. Люди шли быстро, втянув головы в плечи, дыша паром. Обычная московская зима. Обычный город, который каждое утро делал вид, что вчера ничего не произошло.

Вчерашний день не был сном.

Администратор Виктор Степанович исчез из закрытого салона Mercedes E-класса, оставив на сиденье полоску ткани, пахнущую гарью пятидесятилетней давности. Мальчик из подвала гостиницы «Россия», женщина с мандаринами, пианист Эдуард Мнацаканян, картёжник Ростик и безымянный Номер Семь — они прошли сквозь Марата чередой призраков, каждый со своим запахом, болью и куском правды.

Куратор сказал: «Я принял решение». И сгорел вместе со списками.

Марат вернулся в комнату. Открыл ящик стола, где вперемишку лежали ключи, старые чеки с заправок, пара батареек и лупа из хозяйственного магазина. На самом дне, завернутая в чистую футболку, лежала улика номер один. Полоска темно-синей подкладочной ткани. Края неровные — оторванные, не отрезанные. Марат развернул ее на кухонном столе. Поднес к лицу.

Запах ударил мгновенно. Сухая, горькая гарь. Не запах костра на даче или выхлопной трубы. Это был запах синтетики, плавящейся от температуры горения бумаги и человеческих волос. Запах февраля семьдесят седьмого года. Но теперь к нему примешалось другое. Едва уловимый аромат старой древесины, нафталина и чего-то кисловатого, медицинского. Ткань впитала атмосферу квартиры Кононова? Нет.

До квартиры он еще не доехал. Значит, ткань менялась. Она жила во времени, которое сам Марат пытался игнорировать.

Он положил ткань обратно в ящик. Закрыв его. Пошел в ванную, встал перед зеркалом над раковиной. Желтый пластиковый ободок пожелтел еще сильнее, отражая тусклую лампочку. Лицо смотрело на него чужое. Осунувшееся, с глубокими провалами под глазами. Морщина между бровей — та самая, прокурорская, привезенная из здания на Новокузнецкой улице десять лет назад — стала похожа на шрам. Щетина пробивалась седыми иглами.

На правой щеке кожа была идеально гладкой. Никакого розового следа от прикосновения того, кто сидел сзади. Никаких ожогов. Только память пальцев о сухом тепле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.